

Кавказский мундир М. Ю. Лермонтова

В последние годы лермонтоведение обогатилось массой новых работ. Издано полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, где учтены новейшие находки и открытия исследователей, разыскано и введено в научный оборот значительное количество архивных документов, выяснены многие неизученные ранее обстоятельства жизненного пути и творчества поэта.

Однако, многие факты биографии Лермонтова еще до конца не ясны. Это касается, прежде всего, военной карьеры поэта¹, что и неудивительно – бесспорно, исследователи, занимавшиеся изучением и уточнением лермонтовских жизненных перипетий, были выдающимися искусствоведами, литературоведами, филологами, краеведами, но не военными историками. Биографии Лермонтова писали (и пишут) именно гуманитарии², слабо разбирающиеся как в военной терминологии и военной организации³, так и (особенно!) в униформологии XIX столетия⁴. Между тем почти вся сознательная

¹ Исследования Н. В. Маркелова следует считать лишь попыткой раскрыть тему – боевая судьба Лермонтова налицо, но военная карьера его не прослеживается (Маркелов Н. Все картины военной жизни, которых я был свидетелем... – М., 2001. – С. 3-32; Он же. «Умереть с пулею в груди...». Боевая судьба М. Ю. Лермонтова. – Пятигорск, 2003. – С. 3-29).

² Характерный пример некомпетентности в военной сфере жизни Лермонтова – работы С. А. Андреева-Кривича, где слово «фронт» истолковано в значении «театра военных действий», куда Государь отправил поэта «непосредственно участвовать в боевых операциях» (Андреев-Кривич С. А. Два распоряжения Николая I // Литературное наследство. – Т. 58. – М., 1952. – С. 414; Он же. М. Ю. Лермонтов и Кабардино-Балкария. – Нальчик, 1979. – С. 134). Но «фронт» – это воинский строй, строевая служба (Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. – М., 2004. – С. 872; Чистова И. С. Английский автор о Лермонтове // Русская литература. – 1979. – № 3. – С. 233), и Николай Павлович всего лишь запретил прикомандировывать поручика к отрядам, назначаемым в экспедицию (Висковатый П. Ответ «штатского» писателя «военному» писателю // Исторический вестник. – 1885. – № 6. – С. 714; Захаров В. А. Загадка последней дуэли. Документальное исследование. – М., 2000. – С. 191).

³ Так, в солидной работе последних лет встречаем такое истолкование строки из поэмы «Герзель-аул»: ««Карabinieri» – «солдаты, вооруженные карабинами...»» (Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ: история в зеркале художественной литературы. – Армавир, 2003. – С. 91). Но автор, Н. С. Мартынов, мог иметь в виду только либо солдат Эриванского карабинерного полка Отдельного Кавказского корпуса (ОКК), либо в узком смысле – чинов карабинерных взводов (в каждом батальоне карабинерного или егерского полка). Учитывая, что эриванцы участвовали в экспедиции с сентября, а описываемые в «Герзель-ауле» события происходили летом 1840 г. (Уманская М. М. Из истории литературных отношений Лермонтова и Мартынова // Страницы истории русской литературы. – М., 1971. – С. 405), мы склоняемся ко второму наблюдению. Вооружение у карабинеров было то же, что и в пехоте. Другой пример – перечень частей, входивших в состав отряда генерал-лейтенанта Галафеева (Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. – М., 2003. – С. 386; Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 9. – М., 2001. – С. 216). Остается удивляться таким частям, как «Сводно-егерскому Батальон резервной бригады» и «Кавказский Линейный Батальон № 10-го Полка». Под первым, очевидно, имеется в виду сводная часть из 2 запасных полубатальонов егерской бригады в составе одной из дивизий ОКК. Под вторым подразумевается 10-й Кавказский линейный батальон, 4 роты которого составляли гарнизоны. Встречаем два Эриванских полка – дело в том, что Ширванский пехотный в те годы именовался Пехотным фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского полком. Недоумение вызывает появление в отряде всей 8-й дивизии (4 полка), которая *никогда* не входила в штат Кавказского корпуса; имеются в виду резервные полубатальоны этой дивизии (их присылали для укомплектования строевых батальонов). Линейные казачьи полки не участвовали в экспедиции в полном составе, выделяя только отдельные сотни в состав Сборного полка. Из артиллерии присутствовали 2-я резервная батарея 19-й бригады, 3-я и 8-я батарейные батареи 20-й бригады (13 орудий); казачья батарея принадлежала к Кавказскому линейному войску. Вообще, на 11 июля 1840 г. численность Чеченского отряда была гораздо скромнее. См.: Лебединец Г. С. Михаил Юрьевич Лермонтов в битвах с черкесами в 1840 году // Русская старина. – 1891. – № 8. – С. 356; Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. – Т. X. – Тифлис, 1886. – С. 282-284, 294, 296, 298, 312.

⁴ По сей день самые серьезные исследователи (Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. – С. 193) колеблются в атрибуции портрета Лермонтова в гусарском вицмундире со шляпой. Но еще И. И. Глазунов, М. Н. Лонгинов и П. А. Ефремов считали его плодом творчества П. З. Захарова, хотя иногда и с ошибочной датировкой (Ефремов П. А. Портреты Лермонтова // Русская старина. – 1875. – № 9. – С. 67). Их правота блестяще подтвердилась в 1970 г. с помощью униформологии, когда было неопровержимо доказано, что этот холст был написан в 1838-1839 гг. и, следовательно, должен принадлежать кисти Захарова. См.: Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П. Карл Брюллов. Итальянские находки. – М., 1984. – С. 128-131; Захаров В. А. Портрет поэта // Ставрополье. – 1991. – № 3. – С. 32-39; Он же. К атрибуции портрета М. Ю. Лермонтова 1834 г., приписываемого Будкину // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова: Антология. – Ставрополь, 2004. – С. 660-667; Шабанянц Н. Ш. М. Ю. Лермонтов и художник П. З. Захаров // М. Ю. Лермонтов. Материалы и сообщения VI всесоюзной лермонтовской конференции. – Ставрополь, 1965. – С. 153-159; Шинкаренко И. Об авторе и дате одного из портретов М. Ю. Лермонтова // Искусство. – 1970. – № 6. – С. 67-68. – То же самое можно сказать и о форме лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, который будто бы еще в 1838 г. носил голубые доломаны с серебряными шнурами (Пахомов Н. Живописное наследство Лермонтова // Литературное наследство. – Т. 45-46. – М., 1948. – С. 211) и синими выпушками (!), а также «сюртуки оливкового цвета» с малиновыми выпушками (о «вувльфертовском» портрете Лермонтова) (Андроников И. Л. Я хочу рассказать вам... – М., 1962. – С. 61-62). Но желаемое у сторонников «лермонтовской» версии доминировало над действительным: в Гродненском полку с 1833 г. доломаны и ментики полагались алые, как у лейб-гусар, но с серебряным прибором (и без выпушек!); сюртуки были темно-зелеными, а выпушки воротника и обшлагов в 1833 г. поменяли цвет с малинового на светло-синий (Звегинцов В. В. Русская армия. – Ч.

жизнь Лермонтова была связана с военным мундиром⁵, и без учета этой особенности его карьеры нельзя не обойтись биографам.

Возможно, временами (с зимы 1841 г.) мундир и был Лермонтову в тягость и он мечтал об отставке, но именно военная служба была его настоящей и подлинной жизнью. И особенно это было заметно во время пребывания поэта на Кавказе, когда поручик Лермонтов оказался составляющей и неотъемлемой частью военно-административной структуры России. Не оправдывая войну, поэт в то же время осознавал себя солдатом, военным человеком, подчеркивал, что, несмотря на неприятие войны, существовала адаптация человека к ней⁶.

Не идеализируя роль военной организации, военно-административных органов управления, стоит напомнить, что армия России всегда выступала здесь, на Кавказе, важнейшим инструментом и субъектом политики государства в обеспечении благоприятных внешних условий для развития кавказских народов, поддержании внутреннего порядка, реализации миротворческих задач, принимала самое деятельное участие в обустройстве края⁷. Но когда требовалось – русская армия жестко⁸ подавляла всякие проявления недовольства и отражала набеги «хищных и воинственных» народов Кавказа⁹. И поручик Лермонтов со своей «охотничьей» (волонтерской) командой успешно вел партизанскую войну против горцев, активно участвовал в карательных экспедициях русских войск на территорию мятежной Чечни, честно и умело исполняя свой воинский долг во имя российских имперских интересов. С его гибелью армия лишилась «храброго своего офицера»¹⁰...

Военная служба Лермонтова была связана с четырьмя полками, но нас интересуют из них только два, в которых протекала кавказская карьера поэта. Это были Нижегородский драгунский (№ 9) и Тенгинский пехотный (№ 39)¹¹ полки. Первый числился при ОКК, второй входил в состав 20-й пехотной дивизии того же корпуса.

«В мундирах выпушки, погончики, петлички...»¹²

Как любой военный человек, Лермонтов должен был носить форменную одежду¹³. Этот факт, несомненно, оставил глубокий след и в его жизни, и в его творчестве.

С военными мундирами неразрывно связана жизнь русского общества первой половины XIX века. Время Николая I – апофеоз развития военного костюма¹⁴, эпоха жесточайшей стандартизации, «мундиромании»¹⁵ и неукоснительного соблюдения мельчайших требований регламента – вплоть до

5. – Париж, 1979. – С. 502; Шинкаренко И. К атрибуции так называемого «вильфертовского» портрета М. Ю. Лермонтова // Искусство. – 1968. – № 12. – С. 65-67).

⁵ Ср.: Грачева О. А. Литературный век, носящий военный мундир // ВИЖ. – 2005. – № 7. – С. 76-77.

⁶ Солдатов С. В. Кавказская война 1817-1864 годов в оценке современников: Дис. ... канд. ист. наук (рукопись). – Челябинск, 2004. – С. 129-130.

⁷ Пляскин В. П. Военное содержание государственной национальной политики России на Кавказе // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия»: Исторические чтения. – СПб., 2001. – С. 277-284.

⁸ На лермонтовский период приходится нарастание взаимной ожесточенности боевых столкновений, не имеющей аналогов в прошлом. См.: Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – Пятигорск, 2004. – С. 47.

⁹ Лапин В. В. Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ. – СПб., 2003. – С. 7.

¹⁰ Каплан Л. А. Я. Булгаков о дуэли и смерти Лермонтова // Литературное наследство. – Т. 45-46. – С. 710.

¹¹ Номер не входил в состав названия полка и находился только на предметах обмундирования: на пуговицах и щитке герба овчинной шапки. В Тенгинском полку на солдатских погонах и на поле офицерских эполет стоял номер дивизии.

¹² Грибоедов А. С. Горе от ума. – Л., 1973. – С. 76. См.: Экштут С. «В мундирах выпушки, погончики, петлички» // Родина. – 2004. – № 4. – С. 56-58.

¹³ В связи с этим на портрете работы П. Е. Заболотского (Лермонтовская энциклопедия. – М., 1981. – С. 430) Лермонтов не может быть в темном штатском сюртуке с красными обшлагами – скорее всего, это домашний халат. (Если только, конечно, данный портрет был исполнен в 1840 г., а не в 1830-1832 гг., как считал Н. П. Пахомов). Только выйдя в отставку, Лермонтов мог надеть штатский сюртук, к которому мечтал прикрепить «красную ленточку» (Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 7. – М., 2001. – С. 230) ордена Св. Станислава (Серков С. Р. Орден Святого Станислава // ВИЖ. – 1990. – № 6. – С. 90).

¹⁴ Земцов В. Н., Ляпин В. А. Екатеринбург в мундире. – Екатеринбург, 1992. – С. 121. Ср.: Выходчиков Л. В. Николай I. – М., 2003. – С. 497-508; Рахматуллин М. А. Император Николай I глазами современников // Отечественная история. – 2004. – № 6. – С. 86. «Не люблю войну; она портит солдат, пачкает одежду и разрушает дисциплину», – это точное (и справедливое) высказывание маркиза А. де Кюстин приписывал великому князю Константину Павловичу, брату Николая (Custine, le marquis, de. La Russie en 1839. – Т. 2. – Paris, 1843. – P. 241; ср.: Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. – Л., 1991. – С. 518).

¹⁵ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 1999. – С. 33.

ношения усов и длины баков на лице¹⁶. Не стоит, однако, называть эти мелочи гнетом, оскорбляющим личность: дисциплинарные условности у каждого века свои. Хотя в советской историографии николаевское время принято было считать царством мракобесия и стагнации общественной мысли, но в реальности тогда страна постепенно готовилась к последующим преобразованиям¹⁷, а пресловутый «апогей самодержавия» представлял собой самый блистательный период истории российской культуры. В эти годы мундир становится как бы составной частью жизни русского общества. Феномен русского мундира¹⁸ нельзя рассматривать только как явление материальной культуры, предмет материально-вещевого снабжения. Именно по внешнему виду войск в первую очередь судили о силе и мощи государства Российского. Мундир являлся не просто изделием портного, это был «вещественный знак невещественных отношений», многозначный символ, напоминавший о боевой доблести, чести и высоком чувстве воинского товарищества¹⁹.

Безусловно, любая одежда, кроме чисто утилитарных функций, несла на себе функцию знакового механизма социальной среды или культуры. Вещь определяла место человека в обществе, диктовала его поведение, его поступки²⁰ (ср.: образ «солдатской шинели» разжалованного). «Когда я служил в гвардии, я ... видел в себе и других только эполеты и мундир, – признавался бывший подпоручик С. И. Кривцов. – ... Внезапно из человека, все достоинство которого заключалось в его блестящем мундире, я обратился в человека, ценного только как личность. ... Мне казалось, что, отняв у меня мундир, у меня отняли все»²¹.

Мундир военного напоминал об исключительной, ни с чем не сравнимой почетности статуса его носителя²². Более того, он и давал человеку право на подобный почет, тем самым во многом формируя характер человека, носящего мундир. Воспитательный для военнослужащих эффект, когда мундир предстал уже не вещью, но символом высокой идеи, был очевиден. Форменный костюм играл большую роль для развития духа корпоративности, особого чувства единства тех, кто носил мундир той или иной воинской части²³. Это был символ ее индивидуальности, который «считал каждый за счастье и особую честь носить»²⁴. «Особенные обстоятельства войны, – отмечал историк и участник Кавказской войны Р. А. Фадеев, – развивали в кавказских полках, в самой сильной степени, дух военной семьи, гордость своего полкового мундира»²⁵. Между частями ОКК шло непрекращающееся соревнование в доблести, принимавшее порой крайние формы. «Все кавказские полки, – вспоминал поручик Генштаба И. Бларамберг, – соревновались в смелости друг с другом, и каждый полк имел в облике нечто характерное, свой шик. Тогдашние офицеры, которые долго служили в Кавказской армии»²⁶, сразу распознавали солдата Кабардинского, Куринского, Апшеронского, Ширванского, Ереванского (Эриванского – М. Н.) и др. полков, и не только по униформе, а скорее по походке, манерам и особому щегольству»²⁷.

«Настоящие» кавказские полки, «воспитанные на практической почве постоянной войны»²⁸, были проникнуты корпоративным духом, солдаты и офицеры быстрее овладевали навыками ведения военных действий в горах. Мундир же мог помочь сохранению и развитию данного «своеобразного характера»

¹⁶ За много лет. Воспоминания неизвестного. (1844-1894) // Русская старина. – 1894. – № 2. – С. 177; Милютин Д. А. Воспоминания 1843-1856. – М., 2000. – С. 164.

¹⁷ Ср. дискуссию: Отечественная история. – 2006. – № 4. – С. 91, 103-111 (особенно странно звучат высказывания типа: «М.Ю. Лермонтова со злобным напутствием отправил на охваченный войной Кавказ» – М.А. Рахматуллин; впрочем, в работах данного автора образ Николая Павловича сохраняет привычный нам характер «душителя» и «угнетателя»).

¹⁸ Смирнов А. «Солдат должен быть украшен»: Военный мундир как символ // Родина. – 1995. – № 1. – С. 84-85.

¹⁹ Петренко П. «Нет выше чести – носить русский мундир» // Военно-экономический журнал. – 1994. – № 5. – С. 45-47; Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. – СПб., 1999. – С. 194.

²⁰ Серман И. З. Михаил Лермонтов: Жизнь в литературе: 1836-1841. – М., 2003. – С. 246.

²¹ Цит. по: Захаров В. А. Лермонтов и декабристы // Лермонтовский текст. – С. 650.

²² Таланов А. И. Кавалергарды. По страницам полковой летописи. – Ч. 2. – М., 1999. – С. 51.

²³ Ср.: Смирнов А. Имя полка // Родина. – 1996. – № 4. – С. 37.

²⁴ Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания. 1845-1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2000. – С. 415.

²⁵ Фадеев Р. А. Кавказская война. – М., 2003. – С. 106. См.: Безотосный В. М. Век нынешний и века минувшие: параллели в истории Северного Кавказа // Северный Кавказ в истории России. XIX век. – М., 2004. – С. 140.

²⁶ Анахронизм – так с 1857 г. именовался Отдельный Кавказский корпус.

²⁷ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М., 2005. – Приложение. – С. 419. См.: Зиссерман А. Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. (1726-1880). – Т. 1. – СПб., 1881. – С. VIII-IX.

²⁸ Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь А. И. Барятинский. 1815-1879. – Т. 1. – М., 1888. – С. 55.

воинской части. А он, утверждал, основываясь на опыте войны, Р. А. Фадеев, доказывал «развитие нравственной силы, связывающей людей в одной целое». Без единого же «духа, проникающего какое ни есть отдельное общество, нельзя ожидать ничего особенного ни в войне, ни в мире»²⁹.

«М. Ю. Лермонтов, – признавал видный специалист в истории военного костюма, полковник И. П. Шинкаренко, – с честью носил скромный мундир Тенгинского полка, в нем запечатлен он в 1841 году и таким сохранится навсегда в нашей памяти»³⁰. Однако, как и военная служба Лермонтова в целом, тема «Лермонтовский военный мундир» не нашла своих исследователей. Специальных работ, разрабатывающих эту проблематику, в том числе и на региональном уровне, нет. В качестве исключения можно назвать статью Г. Э. Введенского³¹. Однако автор построил свое повествование всего лишь на одной работе по истории русского военного мундира, дополнив ее своими отстраненными размышлениями. Для изучения нашей темы данная статья не имеет никакого значения.

Униформология, как вспомогательная историческая дисциплина, никогда не находила практического применения при исследованиях портретов Лермонтова. Хотя и признавалось официально, что историко-предметный метод (соответствие мундира и знаков отличия у изображенного и предполагаемого лица) «довольно убедителен»³², идентифицировался в действительности «не мундир, а лицо»³³. Так, до нас дошли две картины, где представлены мундиры кавказских полков поэта – его автопортрет (куртка Нижегородского полка) и акварель К. А. Горбунова (сюртук Тенгинского полка). Но поверхностный, проводимый с недостаточным уровнем компетентности и профессионализма искусствоведческий анализ этих изображений, игнорирование хорошо различимых униформологических признаков послужили причиной того, что и в наше время костюм Лермонтова на известном автопортрете характеризуется как черкеска (!)³⁴.

Свою задачу автор видит в том, чтобы на основе анализа всех имеющихся источников дать как можно более точное и полное описание кавказского походного и всedневногo костюма прапорщика, а потом поручика Лермонтова как типичного офицера Кавказского корпуса. С этой целью текст разделен по хронологическому признаку на четыре части. Отдельно изучается костюм Лермонтова за каждый год его кавказской службы, а полученные выводы обобщаются и дополняются с помощью новых данных в ходе рассмотрения сохранившейся описи его гардероба (1841 г.), подводящей своеобразный итог кавказской эпопее лермонтовского мундира.

Драгунский прапорщик

Как известно, корнет Лермонтов был переведен тем же чином (с переименованием в прапорщики)³⁵ на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк, 27 февраля 1837 г.³⁶ В связи с этим он в письме С. А. Раевскому (первая половина марта 1837 г.) упоминал, что «заказал обмундировку и скоро еду»³⁷, подразумевая униформу своего нового полка.

²⁹ Фадеев Р. А. Указ. соч. – С. 221.

³⁰ Шинкаренко И. П. «...носил мундир Тенгинского полка» // Кавказская здравница. – 1974. – № 11. – С. 4.

³¹ Введенский Г. Мундиры М. Ю. Лермонтова // Памятники Отечества. – 1995. – № 3-4 (34). – С. 60-67. К сожалению, нам осталась недоступной следующая работа: Казакова Н. А., Файбисович В. М. Мундир и судьба: Военные реалии в «Княгине Лиговской» и «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова // Персонаж и предметный мир в художественном произведении. – Сыктывкар, 1988. – С. 55-73.

³² Муза Е. В. О некоторых задачах атрибуции предметов изобразительного искусства в литературных музеях // Научно-исследовательская работа в художественных музеях. – Ч. 2. – М., 1975. – С. 250.

³³ Порхомовский Я. Л., Пересункин А. Ю. Шинель не на том плече // Литературная газета. – 1970. – 11 марта. – С. 13.

³⁴ Попутно развенчаем еще одно заблуждение – акварель, приписываемая А. И. Клюндеру, изображает вовсе не Н. И. Лорера (Ковалевская Е. А., Мануйлов В. А. М. Ю. Лермонтов в портретах, иллюстрациях, документах. – Л., 1959. – С. 306; Кравченко В. Н. Кавказские были. – Ставрополь, 2005. – С. 70; Сто шедевров Лермонтовского музея. – Пятигорск, 2004. – С. 75; Хлудова Л. Н. История Кубани в произведениях живописи и графики: Дис. ... канд. ист. наук (рукопись). – Армавир, 2005. – С. 75), а ротмистра Кавалергардского полка – сослуживца не Лермонтова, а Н. С. Мартынова (Нечитайлов М. В. К вопросу об ошибочной атрибуции «портрета Н. И. Лорера» // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VII «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. – Ставрополь, 2005. – С. 176-179).

³⁵ Драгуны сохраняли пехотную систему чинов, в отличие от остальной кавалерии (Волков С. В. Русский офицерский корпус. – М., 1993. – С. 42).

³⁶ Мануйлов В. А. Летопись жизни и творчества // Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. – Т. 6. – М.; Л., 1957. – С. 816.

³⁷ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 7. – С. 100.

С этим же заказом связана забавная история («шалость») в духе гвардейской молодежи³⁸. А именно, когда приятель поэта, офицер лейб-гвардии Московского полка К. А. Булгаков, надев шинель «драгунской формы», шаровары, «куртку с кушаком, шашку на португее через плечо и баранью шапку»³⁹, доставленные для Лермонтова из магазина офицерских вещей, разъезжал в таком виде по Петербургу (в самом начале марта 1837 г.). Мемуарист⁴⁰ сообщает об этом случае (а нарушение правил ношения мундира каралось строго)⁴¹ как о совершенно выходящей из ряда вон проказе, на которую был способен только самый известный в то время в гвардии повеса и шалун⁴².

В другом письме С. А. Раевскому (вторая половина ноября – начало декабря 1837 г.), описывая впечатления уже от кавказской службы, Лермонтов упоминал, что ездил по Линии и Закавказью «одетый по черкесски, с ружьем за плечами»⁴³. В последнем издании сочинений Лермонтова научный комментарий (С. А. Бойко) к этому месту гласил: «Походная форма Нижегородского драгунского полка – черкеска с газырями на груди и бурка. Таким Лермонтов изобразил себя на автопортрете 1837 г.»⁴⁴. Это неточное утверждение с завидным постоянством переходило из одного собрания сочинений в другое⁴⁵. Источником его, по-видимому, послужили работы И. Л. Андроникова, который, в частности, писал: «Лермонтов путешествовал в черкесской одежде, с ружьем за плечами: такова была форма нижегородских драгун»⁴⁶. Далее исследователь, признав, что на автопортрете Лермонтова (1837 г.) изображена не черкеска⁴⁷, а форменная куртка драгун⁴⁸, делал парадоксальный вывод, что именно в таком костюме Лермонтова «видели в Грузии»⁴⁹. В связи с этим возникает вопрос – что же представлял собой форменный мундир **Нижегородского полка** во второй половине 1830-х гг.

³⁸ Гвардейские «шалости» 1820-1840-х гг. выражались также в явном, даже нарочитом нарушении формы одежды или в пародиях на нее, как своеобразный протест, антитеза: «мундир – нарушение». По определению Ю. М. Лотмана, это был «особый тип разгульного поведения, который уже воспринимался не в качестве нормы армейского досуга, а как вариант вольномыслия. Элемент вольности проявлялся здесь в своеобразном бытовом романтизме, заключавшемся в стремлении отменить всякие ограничения, в безудержности поступка. Типовая модель такого поведения строилась как победа над некоторым корифеем данного типа разгула. Смысл поступка был в том, чтобы совершить неслыханное, превзойти того, кого еще никто не мог победить». См.: Глинка В. М. Русский военный костюм XVIII – начала XX века. – Л., 1988. – С. 19; Горшман А. М., Рыбин В. А. В чужом мундире? // ВИЖ. – 1990. – № 5. – С. 72-73; Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. – Л., 1975. – С. 52-54; Чистова И. С. Дневник гвардейского офицера // Лермонтовский сборник. – Л., 1985. – С. 171. Ср.: Крутов В. В., Швецова-Крутова Л. В. Белые пятна красного цвета. Декабристы. – Кн. 2. – М., 2001. – С. 277-278.

³⁹ Следует отметить точность мемуариста (достоверность известий которого нередко подвергалась сомнениям исследователями) в передаче деталей формы одежды, в точности отвечающих периоду 1834-1842 гг., но не позднее (с той лишь поправкой, что под кушаком подразумевается офицерский шарф). Цвет воротника драгунской шинели соответствовал расцветке воротника мундира (куртки).

⁴⁰ Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников. (Из «Воспоминаний В. П. Бурнашева, по его ежедневнику, в период с 15 Сентября 1836 по 6-е Марта 1837 г.») // Русский архив. – 1872. – № 9. – Стлб. 1834-1837.

⁴¹ Васильев А., Космолинский П. Сабля, ташка, конь гусарский // Наука и жизнь. – 1988. – № 9. – С. 152. В 1827 г. М. Романов, человек штатский, был определен рядовым в Серпуховский уланский полк только из-за того, что «не быв в военной службе, – надел мундир» лейб-гвардии Кирасирского полка (Долгорукий В. П. В рядах Нижегородского драгунского полка. 1826-1830 гг. // Русская старина. – 1882. – № 9. – С. 448-449).

⁴² См. о его проделках: Марченко Н. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. – М., 2001. – С. 347-348; Ульянов И. Э. Регулярная пехота 1801-1855. – М., 1996. – С. 168.

⁴³ Цит. по первой публикации письма (автограф не сохранился): Шан-Гирей Ак. М. Ю. Лермонтов. Рассказ // Русское обозрение. – 1890. – Т. 4. – № 8. – С. 741.

⁴⁴ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 7. – С. 346. Прим. 4.

⁴⁵ Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. – Т. 6. – С. 734; Он же. Собр. соч.: В 4 т. – Т. 4. – Л., 1981. – С. 503.

⁴⁶ См., например: Андроников И. Л. Лермонтов. Исследования и находки. – М., 1968. – С. 248; Живые страницы. А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, В. Г. Белинский в воспоминаниях, письмах, дневниках, автобиографических произведениях и документах. – М., 1979. – С. 376.

⁴⁷ Классические по недостоверности описания мундира Нижегородского полка на автопортрете см.: Афанасьев В. В. Лермонтов. – М., 1991. – С. 372; Афанасьев В. В., Боголепов П. К. Тропа к Лермонтову. – М., 1982. – С. 193; Гротская З. В. Подарок Лермонтова // В мире книг. – 1983. – № 7. – С. 41; Селегей П. Е. Домик Лермонтова: Путеводитель по Государственному литературно-мемориальному музею. – Ставрополь, 1973. – С. 50, 56.

⁴⁸ Е. А. Ковалевская справедливо замечала, что на автопортрете поэт представлен «в форме Нижегородского драгунского полка – в мундире с газырями, с шашкой через плечо, в наброшенной бурке» на левом плече (Лермонтов. Картины. Акварели. Рисунки. – М., 1980. – С. 242). Эта характеристика почти дословно перешла в том, посвященный изобразительному наследию Лермонтова (Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 8. – М., 2001. – С. 293).

⁴⁹ Андроников И. Л. Лермонтов в Грузии в 1837 году. – Тбилиси, 1958. – С. 13. Нет оснований полагать, что Лермонтов участвовал в смотре Нижегородского полка под Тифлисом 10 октября (Яковкина Е. И. О маршруте путешествия М. Ю. Лермонтова по Кавказу в 1837 году // М. Ю. Лермонтов. Временник Государственного музея «Домик Лермонтова». – Вып. I.

Именным указом от 20 июня 1834 г.⁵⁰ нижегородским драгунам в ознаменование их отличной боевой службы на Кавказе была пожалована особая униформа. «Этот красивый и оригинальный костюм Кавказского типа, с газырями и черкесскими шашками, выделявший полк из ряда других кавалерийских полков, – писал В. А. Потто, – не мог не интересовать Нижегородцев, напоминая им о славных подвигах, совершенных в стране, где этот костюм служил народной одеждою. И Нижегородцы гордились ею, как взятою с боя»⁵¹. Кстати, что любопытно, в тексте указа⁵² говорилось *только* о нижних чинах. Но и офицеры, конечно же, тоже пошили себе новую форму⁵³. Однако, не сразу драгуны облачились в свой новый мундир – оказалось, что нет материалов, а когда их, наконец, выслали из Тифлиса, в полку не было свободных рук. В итоге, драгуны впервые смогли явиться в новой форме к Пасхальной заутрене 1836 года⁵⁴. Впрочем, даже после этого употребление экзотичной униформы оставалось, как обычно на Кавказе, весьма и весьма ограниченным. В целом, ее можно назвать парадно-выходной, не более.

Офицерская униформа включала в себя овчинную шапку (как в пехоте ОКК, но с серебряным этишкетом)⁵⁵ и темно-зеленую куртку (без фалд) с такими же обшлагами (прямыми, с красной выпушкой по верху) и красным воротником (с темно-зеленой выпушкой на нем). Куртка застегивалась 18 парами проволочных крючков. На ней имелись газыри и чешуйчатые, вызолоченные эполеты⁵⁶. Куртку дополняли шарф на поясе, темно-зеленые шаровары с красными однорядными лампасами⁵⁷ и шашка⁵⁸.

Эта форма не имела ничего общего с костюмом Лермонтова «по-черкесски». Именно куртка (не черкеска!) и показана на лермонтовском автопортрете. Несложно подсчитать, что ее поэт надевал всего несколько раз – в Петербурге, на Кавказе при первом представлении начальству (возможно) и, конечно,

– Пятигорск, 1947. – С. 60-61), где только ему и мог представиться редчайший случай переодеться из сюртука или черкески в форменную куртку.

⁵⁰ Полное Собрание Законов Российской империи (*ПСЗРИ*). – Собр. 2-е. – Т. IX. – Отд. 1-е. – 1834. – СПб., 1835. – № 7200.

⁵¹ Потто В. А. История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. – Т. 4. – СПб., 1894. – С. 31.

⁵² Продублированного у А. В. Висковатова.

⁵³ Цены на обмундирование обер-офицера Нижегородского полка в 1849 г. (серебром): папаха 12-15 руб., лядунка 12-13 руб., портуся 8-10 руб., шашка с отделкой из серебра 50 руб., газыри 10-12 руб., эполеты 5-8 руб., шарф 3-7 руб., перчатки 1 руб. (*Русский Инвалид*. – 1849. – 1 апреля. – № 72).

⁵⁴ Потто В. А. Указ. соч. – С. 31, 68.

⁵⁵ ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. XI. – Отд. 1-е. – 1836. – СПб., 1837. – № 8830.

⁵⁶ Судя по рисункам у А. В. Висковатова и другим источникам (Потто В. А. Указ. соч. – С. 68; Указатель по Кавказскому историческому музею. – Тифлис, 1907. – С. 278) на каждой стороне груди находилось по шесть черных кожаных напатронников с вызолоченными (или высеребреными с чернью) «головками» (колпачками на верхнем конце патронов в газырях). Газыри обшиты горизонтально тремя рядами золотого галуна, а кругом нижней части и обоих боков напатронников нашивался более широкий галун. Напатронники прицеплены цепочками к круглой бляхе с каждой стороны груди, всё вызолоченное. Но даже на форменной куртке драгун, судя по иконографии эпохи, встречались отступления от регламента. Образца для обшивки газырей и кармашков установлено не было. На автопортрете Лермонтова показаны только 4 патрона в газырях, рядов галуна поперек патронов только два, а обшивки кругом напатронников нет вообще. Количество патронов, как и отсутствие выпушки на обшлагах, стоит отнести к невнимательности к деталям или особому приему художника – на рисунках Г. Г. Гагарина патронов по шесть (История конницы. – Кн. 2. Примечания Брикса к «Истории конницы» Денисона. – М., 2001. – С. 258, рис.). Если бы это был первый мундир, отменно сшитый петербургским портным в строгом соответствии уставу, то как тогда объяснить ряд неточностей в покрое, запечатленных на автопортрете? С другой стороны, если речь идет об новом мундире, изготовленном в Ставрополе после кражи сшитого в столице образца, то, конечно, сказались спешка и/или незнание всех подлинных деталей. Кстати, выпушка воротника наличествует на автопортрете (Лермонтовская энциклопедия. – С. 176-177, вклейка), но отсутствует у некоторых офицеров полка на портретах 1842 г. (Потто В. А. Указ. соч. – С. 128-129, вклейка).

⁵⁷ Лампасы эти хорошо помнили и противники драгун, и курортное общество. В романе Е. П. Лачиновой встречаем «дерзкие ухватки казако-лампасного драгуна». Цит. по: Польская Е. Б., Розенфельд Б. М. И звезда с звездой говорит... – Ставрополь, 1980. – С. 120. В публикации романа (Хамар-Дабанов Е. Прodelки на Кавказе. – Ставрополь, 1986. – С. 212) допущена, видимо, опечатка: «казако-ландпасного».

⁵⁸ Офицерская лядунка кавалерийского образца, черная кожаная с серебряной крышкой (с золотым орлом), на золотой галунной перевязи (прибор серебряный, подбой черного сафьяна). Что до шашки, то ее носили на черном кожаном ремне (с серебряным набором, по кавказскому обычаю) через правое плечо (приказ по полку от 3 марта 1836 г.) (Потто В. А. Указ. соч. – С. 69). Офицерские шашки имели серебряную отделку, но образца и для них, и для ножен установлено не было (Кулинский А. Н. Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800-1917 годов. – СПб., 1994. – С. 73-74). Современники называли неуставные драгунские шашки «азиатскими» или «кавказскими» (Зиссерман А. Л. 25 лет на Кавказе (1842-1867). – Ч. 2. – СПб., 1879. – С. 187), и у Лермонтова, например, на акварели ножны шашки (не «клыча») обтянуты красной кожей с золотой галунной отделкой.

при написании акварели (несомненно, до исключения из полка)⁵⁹, не более. К этой куртке он, формально прослужив в драгунах всего несколько месяцев, в отличие от ветеранов-нижегородцев особой любви не питал и даже позволил себе позднее откровенную насмешку над полковым мундиром⁶⁰ (см. ниже). Вспомним и неблагоприятную роль драгунского капитана в «Герое нашего времени», обрисованную весьма нелестными штрихами (возможно, несправедливо – по крайней мере, по отношению к его полку). Как несколько по иному поводу выразился Я. Л. Махлевич, «лейб-гусарская ирония автора приобретает здесь удивительную наглядность...»⁶¹.

Тем не менее, на автопортрете Лермонтов стоит именно в драгунском мундире, задрапировав его буркой. Здесь можно согласиться с Г. Э. Введенским, считавшим, что поэту все же «импонировала некоторая экзотичность»⁶² красивого и оригинального мундира Нижегородского полка, не имевшего аналогов в истории русской регулярной конницы. Вспомним слова А. В. Мещерского, писавшего о том, что «мундир этого полка славился тогда совершенно справедливо, как один из самых красивых в нашей кавалерии». «Я видел Мартынова в этой форме, – добавлял князь, – она шла ему превосходно»⁶³. Лермонтов мог руководствоваться теми же стремлениями, надевая⁶⁴ куртку одной из самых элитных частей Кавказского корпуса⁶⁵.

Как и во всей кавказской армии, походным и вседневным костюмом драгунского офицера служил сюртук пехотного образца⁶⁶ (воротник и обшлага его по расцветке соответствовали имевшимся на куртке). Как будет сказано ниже, сюртук на Кавказе носился без эполет (а равно и без шарфа или лядунки), только с поперечными золотыми галунными контр-погончиками на плечах. Сами же эполеты пристегивались на плечи одежды лишь в штаб-квартире, да и то изредка. Поверх сюртука всегда надевалась шашка на плечевой портупее. К сюртуку полагались фуражка в белом чехле (подробнее см. ниже) и шаровары – форменные или неуставные, чаще всего желтые лезгинские⁶⁷.

В то же время многие офицеры Нижегородского полка (как было принято повсюду в войсках ОКК) сочетали форменные предметы обмундирования с элементами горского национального костюма и снаряжения. Недаром Лермонтов иронизировал в «Герое нашего времени» по поводу офицеров «в костюмах, составляющих смесь черкесского с нижегородским»⁶⁸.

Так, тогдашний командир драгун полковник С. Д. Безобразов, по замечанию В. А. Потто⁶⁹, был «всегда в высоком белом папахе, на белом коне». Популярны были, кроме шашек и кинжалов⁷⁰,

⁵⁹ Автопортрет был сделан «на Кавказе в 1837 году» (Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. – Т. 1. – М., 1989. – С. 453).

⁶⁰ Введенский Г. Э. Драгуны: Кавалерия российской армии. – СПб.; Калининград, 2004. – С. 64.

⁶¹ Махлевич Я. Расшифровка некоторых сокращений в «Герое нашего времени» // Вопросы литературы. – 1976. – № 4. – С. 213.

⁶² Введенский Г. Мундиры М. Ю. Лермонтова. – С. 65.

⁶³ Цит. по: Висковатый П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. – Т. 2. Приложение к факсимильному изданию. – М., 1989. – С. 159.

⁶⁴ Впрочем, В. П. Бурнашев приводил слова А. И. Синицына, отозвавшегося о новой форме Лермонтова, что «все это преуморительно сидеть будет на нем» (Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников. – Стлб. 1834).

⁶⁵ Захаров В. А. М. Ю. Лермонтов и Кубань в 1837 г.: «под пули горцев»? // Археология, этнография и краеведение Кубани. – Краснодар, 2003. – С. 37.

⁶⁶ Во Владикавказе (декабрь 1837 г.) В. В. Боборыкин видел Лермонтова «в военном сюртуке» (офицера драгун) (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М., 1972. – С. 140). Любопытно, что казенный денщик Лермонтова в 1837 г. был из Нижегородского полка, но его имени мы не знаем...

⁶⁷ Зиссерман А. Л. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 187; Из записок князя Амилахвари // Кавказский сборник. – Т. XXVI. – Тифлис, 1907. – С. 29-30, 39, 85-86; К. Левый фланг Кавказской линии в 1848 году // Кавказский сборник. – Т. X. – С. 411, 481-482; Он же. Указ. соч. // Кавказский сборник. – Т. XI. – Тифлис, 1887. – С. 325; Потто В. А. Воспоминания о Закавказском походе 1855 г. // Кавказский сборник. – Т. XXV. – Тифлис, 1906. – С. 8; Он же. История 44-го драгунского Нижегородского ... полка. – Т. 6. – СПб., 1894. – С. 70.

⁶⁸ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 6. – М., 2000. – С. 296. Речь идет о переделке вошедшего в поговорку выражения Чацкого («Господствует еще смешенье языков: французского с нижегородским»). Кроме того, Лермонтов позволил себе насмешку в адрес Нижегородского полка.

⁶⁹ Потто В. А. История 44-го драгунского Нижегородского ... полка. – Т. 4. – С. 37.

⁷⁰ Не совсем понятно, на основании чего Г. Э. Введенский решил, что драгуны использовали именно «камы (прямые кавказские кинжалы)» (Введенский Г. Указ. соч. – С. 64). Такой знаток кавказского оружия, как Г. Н. Прозрителев, указывал, что кинжал «кама» состоял из двух половин и «у горцев он не был в употреблении» (Сабли рая (горское оружие в Кавказской войне). – Гр., 1992. – С. 4). *Кама* назывался и большой обоюдоострый осетинский кинжал (Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – Нальчик, 1999. – С. 246), и «широкие длинные кинжалы» лазов (Богданович М. Дневник осады Карса в 1855 году, доктора Сандвита // Военный

черкесские папахи, башлыки, бешметы (под сюртук)⁷¹. Ну и, конечно, черные войлочные кавказские бурки, позднее воспетые Лермонтовым в «Кавказце» (см. ниже). Бурки того времени были очень короткими, имели колоколообразную, расширяющуюся книзу форму⁷². Их носили внакидку на левом плече, чтобы «правая рука и плечо были свободны»⁷³. Именно эту бурку и накинул на плечо Лермонтов⁷⁴, готовясь к написанию автопортрета. Однако, вопреки мнению лермонтоведов⁷⁵, бурка (тем более не «полосатая»⁷⁶) никоим образом не входила в состав драгунской *униформы*.

Единственным обстоятельством, которое могло выделять Лермонтова среди прочих офицеров Нижегородского полка в ходе действий в Закавказье⁷⁷, явилось ношение им в дороге полного черкесского костюма – папахы, черкеска, бешмет (см. выше). Но засвидетельствованы и другие случаи использования этого комплекта в полку⁷⁸. Судя по тому, что капитан полка А. А. Столыпин в 1841 г. смог позировать Лермонтову в костюме курда (!), черкесская одежда тем более не являлась вещью из ряда вон выходящей в офицерском драгунском гардеробе.

Уже в первый период своей кавказской службы Лермонтов мог убедиться, что многие формальности, обязательные в российской армии, а тем более в гвардии, в условиях Кавказа не соблюдались⁷⁹. Как писал в 1837 г. сам поэт, «здесь, кроме войны, службы нету»⁸⁰. «Чего в других войсках до такой степени никогда не бывало»⁸¹, – позднее добавил князь М. С. Воронцов, адресуясь А. П. Ермолову.

сборник. – 1878. – № 2. – С. 314). Впрочем, Д. А. Лонгуорт именовал и обычный «обоюдоострый кинжал» черкесов «кама» (Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов. – Нальчик, 2002. – С. 46). О кинжалах горцев также см.: Ван-Гален Х. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. – СПб., 2002. – С. 354-355.

⁷¹ К. Указ. соч. // Кавказский сборник. – Т. IX. – Тифлис, 1885. – С. 456, 460-461, 491; Он же. Зимняя экспедиция 1852 г. в Чечне. (Воспоминания очевидца) // Кавказский сборник. – Т. XIII. – Тифлис, 1889. – С. 500; Потто В. А. Указ. соч. – С. 140, 160.

⁷² Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII-XX вв. – М., 1989. – С. 16. См. изображения казачьих бурок: Заседателя Л. Б. Культура и быт северокавказского казачества // Северный Кавказ в истории России. XIX век. – М., 2004. – С. 37.

⁷³ Броневский С. М. Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. – Т. 1-2. – СПб., 2004. – С. 164.

⁷⁴ Попов А. В. Лермонтов на Кавказе. – Ставрополь, 1954. – С. 211.

⁷⁵ Пахомов Н. П. Лермонтов в изобразительном искусстве. – М.; Л., 1940. – С. 42.

⁷⁶ Он же. Живописное наследие Лермонтова. – С. 114.

⁷⁷ Любопытно, что сам Лермонтов тогда (ноябрь-декабрь 1837 г.) формально не имел права носить там мундир Нижегородского полка, поскольку был переведен в гродненские гусары 11 октября (Кравченко В. Н. Михаил Юрьевич Лермонтов в Ставрополе. – Ставрополь, 2004. – С. 42). Однако, приказ был опубликован 1 ноября (Алексеев Д. А. К вопросу о прикомандировании Лермонтова к экспедиции генерала А. А. Вельяминова на Кавказе в 1837 г. // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. – 2006. – № 1. – С. 110-111), а до штаб-квартиры полка дошел в начале 20-х чисел ноября. Из списков Нижегородского полка Лермонтов был исключен 25 ноября 1837 г. (Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. – Т. 5. – СПб., 1913. – С. 15). Судя по месячным отчетам полка, Лермонтов с 25 июля по октябрь 1837 г. числился в командировке (Мартьянов П. К. Дела и люди века. – Т. II. – СПб., 1893. – С. 156).

⁷⁸ Полковой историк упоминает поездку двух офицеров в Тифлис весной 1845 г., одетых «по туземному, в черкесках и бурках, при полном вооружении; не забыты были даже чехлы на ружья» и башлыки (Потто В. А. Указ. соч. – С. 147). На акварели Г. Г. Гагарина 1841 г. (Григорий Гагарин. – М., 2004. – С. 21, рис.) князь М. Б. Лобанов-Ростовский показан в полном черкесском костюме (коричневая черкеска с черной меховой оторочкой рукавов, выреза на груди и края пол, с серебряной тесьмой и черными напатронниками; коричневый верх папахы; красный бешмет; ноговицы из черной и коричневой половин), с ружьем и кинжалом. Однако, судя по всему, Лобанов тогда еще не был юнкером Нижегородского полка (contra: Алексеев Д. А. О сроках пребывания Лермонтова в экспедициях 1840 г. на Кавказе и времени его приезда в крепость Анапу // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. – 2006. – № 1. – С. 141; Лермонтовская энциклопедия. – С. 264), а состоял на гражданской службе (Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова. – 2-е изд. – М., 1986. – С. 174-176). Драгунским юнкером он был определен в 1843 году (Генерал Фрейтаг и его боевые товарищи. Три эпизода из истории завоевания Кавказа // Русская старина. – 1873. – № 6. – С. 819, 829, 832; Юров А. 1843-й год на Кавказе // Кавказский сборник. – Т. VI. – Тифлис, 1882. – С. 158).

⁷⁹ «Кавказские солдаты были только мастера на марши, но не маршировку...» (Андреев В. Ермолов и Паскевич // Кавказский сборник. – Т. I. – Тифлис, 1876. – С. 199-200). Современник оставил яркое свидетельство о неспособности Кавказского корпуса к тонкостям фронта и плац-парадной службы, когда и сам князь М. С. Воронцов «не знал, где и кому следовало идти или стоять, и мы тоже ничего не знали. Полковник [А. П.] Плац-Бек-Кокум, бывший конногренадер и фронтовик, только руками разводил от ужаса» (Из записок Н. В. Исакова. Кавказские воспоминания // Русская старина. – 1917. – № 3. – С. 335).

⁸⁰ Цит. по: Русские писатели в нашем крае: Сб. ст. – Гр., 1958. – С. 50.

⁸¹ Письма князя Михаила Семеновича Воронцова к Алексею Петровичу Ермолову // Русский архив. – 1890. – № 2. – С. 363.

Несомненно, это было связано именно с воздействием войны на русские войска, а Кавказ, по выражению А. А. Вельяминова, был «хорошей военной школой»⁸². Война налагала свой отпечаток на психологию и солдата, и офицера. «В войне много зла, но есть и поэзия»⁸³; человек ... смотрит ... на жизнь другими глазами; много грусти, много и надежды, много забот, много и разливной беззаботности, мелочность, весь хлам приличий, вся однообразность форм исчезает...»⁸⁴. Эти слова принадлежат известному российскому хирургу Н. И. Пирогову, о войне знавшему не понаслышке.

Современники оставили следующие впечатления о внешнем виде кавказских войск лермонтовского времени, 30-х гг. XIX в.: «Нас, гвардейских офицеров, с первого взгляда поражали в кавказских войсках видимая распущенность, неряшество в одежде, даже казавшееся отсутствием дисциплины и точного отправления службы, – писал будущий военный министр и старинный знакомец Лермонтова Д. А. Милютин. – Но вместе с тем не могли мы не подметить во взгляде каждого солдата какой-то отваги и самоуверенности, чего-то особого, отличавшего эти войска от всех других. Видимо, это были войска боевые, а не парадные»⁸⁵. «Вообще тогда на Кавказе мало знали военную форму и нисколько ею не стеснялись, от младшего до старшего, – признавался капитан Генерального штаба Г. И. Филипсон. – О киверах и шляпах помину не было; ходили в фуражках или папах, а вместо форменной шпаги или сабли носили черкесскую шашку⁸⁶ на ременной португее через плечо. Глазу моему, привыкшему на Севере к стройной формальности, странно было видеть такое разнообразие и даже иногда фантастичность военных костюмов»⁸⁷.

Григорий Иванович засвидетельствовал и реакцию Николая Павловича на кавказский походный костюм во время смотра в Геленджике (20 сентября 1837 г.). «Государь..., – по словам Филипсона, – выражал свое довольство ... даже наивными усилиями все делать и одеваться по форме; а между прочим своеобразные отступления беспрестанно бросались в глаза»⁸⁸ ему, привыкшему к педантической точности в гвардии и при смотрах армейских войск. Говорят, что он сказал: «Я очень рад, что не взял с собою великого князя Михаила Павловича; он бы этого не вынес»⁸⁹. Действительно, кавказские войска при «очень строгой»⁹⁰ дисциплине имели «очень своеобразное и отчасти смутное понятие о форме» (Г. И. Филипсон) и не подражали «другим в смешных, странных и вредных обыкновениях, принятых в оных» (Н. Н. Муравьев)⁹¹. К Кавказскому корпусу было «нельзя применять мерку других войск»⁹². Здешние полки соблюдали форму одежды (именно «отчасти») только на смотрах, в мирное время, пока не выступали в поход. Начальство (вплоть до самого императора), как правило, не стесняло инициативу

⁸² Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау. – Нальчик, 1999. – С. 434. – Сходным образом высказывались и другие современники: «...[Кавказ] – лучшая школа не только для офицеров, но и для генералов» (Notice sur la campagne des Russes au-dela du Kouban en novembre 1830, extraite des lettres d'un officier d'un regiment de chasseurs de l'armee russe // Journal asiatique. – 1831. – Т. 7. – Р. 436; Сергеев А. П. «Хаджи-Мурат» Льва Толстого. История создания повести. – М., 1983. – С. 211, 213; Терещенко О. Н. Восприятие А. А. Бестужевым-Марлинским некоторых черт боевого характера горцев Кубани // Археология, этнография и краеведение Кубани. – Армавир; Краснодар, 1998. – С. 48).

⁸³ «В бою была поэзия, риск, возможность отличия... Бой считался делом, а мирное затишье прозябанием» (Рукевич А. Ф. Из воспоминаний старого эриванца // Исторический вестник. – 1914. – № 12. – С. 766-767).

⁸⁴ Севастопольские письма Н. И. Пирогова 1854-1855. – СПб., 1899. – С. 69.

⁸⁵ Милютин Д. А. Год на Кавказе. 1839-1840 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2000. – С. 202. См. характеристику кавказских войск: Герман Р. Э. Суворовские традиции и Кавказская армия в XIX веке // Суворов и Кавказ: значение наследия великого полководца и гражданина России для современных защитников южных рубежей страны. – Ставрополь, 2000. – С. 38-41.

⁸⁶ «По принятой здесь форме, – писал о кавказских офицерах М. Ф. Федоров, – все были без эполет, имея вместо сабель и шпаг на узеньком ремне, чрез правое плечо, черкесские сабли, называемые шашками» (Федоров М. Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. – Т. III. – Тифлис, 1879. – С. 4).

⁸⁷ Воспоминания Г. И. Филипсона. – М., 1885. – С. 92.

⁸⁸ Что именно бросалось ему в глаза, прекрасно иллюстрируют мемуары гвардейского офицера Г. П. Самсонова, прикомандированного к отряду А. А. Вельяминова: «Чтобы дать понятие о красоте нашего обмундирования, я опишу свой офицерский туалет. Сюртук, прорванный и по швам, и по целым местам, потерял совершенно свой нормальный цвет; фуражка, с переломанным козырьком и каким-то фиолетовым околышком, не имела никакой формы, панталон вовсе не был; сапоги стоптанные и во многих местах прорванные – отказались служить. ... Выбрать из подкладки сюртука более целые места – вот и кантики готовы. Сюртук покрыли заплатами, не стесняясь различием качества и цвета ... материала. ... Остриг меня ротный цирюльник...» (Самсонов Г. Из записок старослуживого // Русский вестник. – 1892. – № 10. – С. 127).

⁸⁹ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. – 1883. – № 6. – С. 254.

⁹⁰ Шомпулев В. А. Заметки старого кавказца // Русская старина. – 1908. – № 11. – С. 497.

⁹¹ Цит. по: За стеной Кавказа. – М., 1989. – С. 274-275.

⁹² Герман Р. Э. К вопросу о деятельности А. П. Ермолова и А. И. Барятинского на Кавказе // Проблемы археологии и истории Северного Кавказа: Материалы научной археолого-этнографической, историко-краеведческой конференции «II Минаевские чтения» (13 марта 1998 г.). – Ставрополь, 1999. – С. 48.

подчиненных в модернизации своего костюма применительно к походным условиям, т. к. само на опыте испытало, что значит экипировка, созданная в кабинете.

«Атмосфера Кавказской армии всегда была чужда ... мертвящему шаблону и очковтирательству»⁹³, – отмечал эмигрантский историк русской армии. «Понятно, что этот порядок вещей и военная служба на Кавказе должны были прийти по вкусу Лермонтову, ненавидевшему мелкие стеснения фронтовой (строевой – М. Н.) службы, испытанной им в Петербурге, – заключал биограф поэта. – Порядок и жизнь кавказская приходились по нутру этой свободолюбивой натуре»⁹⁴. Не все побывавшие на Кавказе были рады вновь оказаться в «правильном» военном мире с его строгим соблюдением формы и уставов. Среди таких офицеров был и Лермонтов. Появившись уже второй раз на Кавказе, поэт оказался в совершенно знакомой и привычной ему неформальной обстановке.

Пехотный поручик

Что касается второго периода пребывания поручика **Тенгинского пехотного полка** Лермонтова на Кавказе, то его костюм в Чеченском отряде генерал-лейтенанта А. В. Галафеева (1840 г.) запечатлел подпоручик Кавказской гренадерской артиллерийской бригады К. Х. Мамацев. «Я хорошо помню Лермонтова, – рассказывал Константин Христофорович, – и как сейчас вижу его перед собою, то в красной канаусовой рубашке, то в офицерском сюртуке без эполет, с откинутым назад воротником и переброшенную через плечо черкесскою шашкой, как обыкновенно рисуют его на портретах»⁹⁵. Далее автор уточнял, что и рубашка Лермонтова была «с косым расстегнутым воротом», а шашку дополнял кинжал⁹⁶.

Надо отметить, что рубахи (в шаровары и с фуражкой на голове) составляли летнюю форму нижних чинов ОКК⁹⁷. Но кавказские офицеры⁹⁸ и даже генералы⁹⁹ тоже надевали в жаркий день белые или цветные рубахи без сюртука (или под сюртуком нараспашку). Так, походная одежда графа Ф. Л. Гейдена, адъютанта князя М. С. Воронцова, в 1847 г. заключалась «в красной канаусовой рубашке» под сюртуком¹⁰⁰. Я. П. Бакланов также летом разъезжал в красной канаусовой расстегнутой рубашке¹⁰¹. Генерал И. М. Лабынцев – этот «Ней Кавказской армии» – одевался в засаленный сюртук, под которым носил грязную ситцевую рубаху (1844 г.)¹⁰². (Отряд Лабынцева «сблизился» с войсками Галафеева

⁹³ Керсновский А. А. История русской армии. – Т. 2. – М., 1993. – С. 28. Ср.: Гаммер А. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М., 1998. – С. 48.

⁹⁴ Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. – М., 1987. – С. 233. – Неслучайно поэт признавался в том, что «совсем отвык от фронта» (Мануйлов В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. – М.; Л., 1964. – С. 89). Отвыкать, судя по описаниям постоянных «шалостей», было особенно не от чего. Н. С. Мартынов утверждал, что «невыносимо тяжела была в то время служба в гвардии», отчего он и отправился волонтером на Кавказ (см. о командировке офицеров: Попов А. В. Лермонтов в первой ссылке // Труды Ставропольского государственного педагогического института. – Вып. III. – Ставрополь, 1949. – С. 41. Прим. 1). Но в доказательство Мартынов глубокомысленно и невнятно ссылался только на некий «нравственный гнет», который «тяготел над нами» (Из бумаг Николая Соломоновича Мартынова // Русский архив. – 1893. – № 8. – С. 592). Обращает на себя внимание странное сходство с высказываниями маркиза де Кюстина: «...Они едут на войну в глубине Кавказа, чтобы отдохнуть от ига, тяготеющего на них на родине». См.: Герштейн Э. Г. Лермонтов и «кружок шестнадцати» // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник первый. – М., 1941. – С. 105-106. Ср., однако, комментарии М. Яшина об обстоятельствах командировки Мартынова на Кавказ (отбрасывая ложные представления автора о поручике как некоем шпионе при Лермонтове): Яшин М. Вокруг Лермонтова. (По материалам Кавалергардского полка) // Звезда. – 1964. – № 10. – С. 192-193.

⁹⁵ Цит. по: Шадури В. С. Новое о Константине Мамацшвили, однополчанине М. Ю. Лермонтова // Литературная Грузия. – 1974. – № 10. – С. 81. Ср.: Абрамович Д. Лермонтов Михаил Юрьевич // Русский биографический словарь. – СПб., 1914. – Т. IX. – С. 303.

⁹⁶ Мануйлов В. А. Новые материалы об участии М. Ю. Лермонтова в войне на Кавказе в 1840 году. (По воспоминаниям К. Х. Мамацева) // Труды Ленинградского библиотечного института. – Т. II. – Л., 1957. – С. 247.

⁹⁷ Лермонтов. Картины. Акварели. Рисунки. – С. 225; Махлевич Я. Л. Кавказский вид // Панорама искусств-4. – М., 1981. – С. 253; Рекалов И. 83-й пехотный Самурский полк на Кавказе, в Хиве и Закаспии. 1845-1881 года. Краткая история боевых дел полка. – Ставрополь, 1911. – С. 16.

⁹⁸ Беляев А. П. Воспоминания о пережитом и пережитом с 1803 года // Русская старина. – 1881. – № 10. – С. 283.

⁹⁹ Архив Раевских. – Т. II. – СПб., 1908. – С. 432; Там же. – Т. IV. – СПб., 1912. – С. 16-17, вклейка; Лорер Н. И. Записки декабриста. – Иркутск, 1984. – С. 214-215; Санеев С. А. «Век служи, Раевский, с нами, мы с тобою и штыками опрокинем свет» // ВИЖ. – 2004. – № 6. – С. 71.

¹⁰⁰ Из записок Н. В. Исакова // Русская старина. – 1917. – № 4-6. – С. 62. Толстовский поручик Розенкранц тоже ходил «в одной красной рубахе» (см. ниже), но и здесь мы видим кавказскую реальность, не связанную с образом Лермонтова.

¹⁰¹ Нечитайлов М. В. К вопросу о походно-повседневном обмундировании генералитета Отдельного Кавказского корпуса в период Кавказской войны (1817-1864) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. – Ставрополь, 2001. – С. 173.

¹⁰² Записки М. Я. Ольшевского. Кавказ с 1841 по 1866 г. // Русская старина. – 1893. – № 8. – С. 300.

вскоре после первой битвы на Валерике¹⁰³, так что Лермонтов мог некоторое время наблюдать генерала (вблизи). Поэтому костюм Лермонтова не представлял собой ничего своеобразного – обычная форма боевого кавказского офицера¹⁰⁴. Кусок канаусу¹⁰⁵ Лермонтов, вероятно, приобрел в Ставрополе; там же, очевидно, была и пошита рубашка¹⁰⁶.

Неприязненно относившийся к Лермонтову подполковник Гвардейского Генерального штаба барон Л. В. Россильон (квартирмейстер Чеченского отряда) замечал¹⁰⁷, что «он носил красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и глядела почерневшею из-под вечно расстегнутого сюртука поэта, который он носил без эполет, что, впрочем, было на Кавказе в обычае». Грязь эту, безусловно, стоит отнести на счет нелюбви рассказчика к Лермонтову. Многие лермонтовские современники (например, Ф. Боденштедт) подчеркивали всегда вкус к чистоте и изяществу в одежде поэта¹⁰⁸. (С другой стороны, когда было в походе стирать одежду?). Но другое указание Россильона относительно облика поэта – «молодецки заломив белую холщовую шапку» – нельзя не оценить как подтверждение того, что Лермонтов носил фуражку в белом чехле (см. ниже).

Сдвинутую на затылок фуражку с помятой тульей можно видеть и на рисунке Лермонтова, выполненном штабс-капитаном Генштаба бароном Д. П. фон дер Паленом¹⁰⁹ в конце июля 1840 г., уже после боя при Валерике. (Этот портрет Лермонтова был сделан в палатке Л. В. Россильона¹¹⁰.) На фуражке здесь заметна линия околыша, что позволяет предполагать наличие белого чехла на одной только тулье. Видимо, именно эта фуражка приводится в описи вещей Лермонтова 1841 г. (см. ниже). Такой вариант головного убора носил, например, другой кавказский знакомый Лермонтова и штабной офицер капитан Д. С. Бибиков (1841 г.)¹¹¹. На Кавказе популярны были также фуражки с чехлом, закрывавшим и тулью, и околыш. Но ни их, ни фуражку «*a la* Коцебу»¹¹² поэт не использовал. На рисунке Палена можно увидеть и лермонтовский пехотный сюртук (см. ниже) с расстегнутым (но не отогнутым) воротником, без эполет – повседневно-походный костюм кавказского офицера. Сюртук без эполет, панталоны навывпуск (видимо, верблюжьего сукна), шашка на ремне и фуражка Лермонтова представлены на другом рисунке («Ламберт, Долгоруков, Лермонтов, Урусов, Евреинов, на привале к Темир-Хан-Шуре в 1840 году»; вторая половина июля 1840 г.)¹¹³, где он показан со спины.

В числе прочего Россильон возмущался и тем, что Лермонтов ходил тогда небритым¹¹⁴. На рисунке Палена действительно видно, что поэт, «пользуясь свободой походной жизни», отпустил себе небольшие баки и, по-видимому, дал волю волосам расти и на подбородке¹¹⁵. Но кавказские офицеры в экспедициях отпускали и длинные волосы (как на автопортрете Лермонтова), и бакенбарды, даже

¹⁰³ Лебединец Г. С. Указ. соч. – С. 357.

¹⁰⁴ Шинкаренко И. П. Указ. соч. – С. 4.

¹⁰⁵ Ср.: Дружинин А. В. Собр. соч. – Т. 2. – СПб., 1865. – С. 216.

¹⁰⁶ Согласно воспоминаниям некоего С. З. П-ва, Лермонтов в Тамани «носил рубашку с высоким воротником» (Арканников О. О пребывании М. Ю. Лермонтова в Тамани // Русский архив. – 1893. – № 11. – С. 575). Но это свидетельство справедливо подвергается сомнению (Веленгурин Н. Ф. Дорога к лукоморью. От Пушкина до Горького. Писатели в нашем крае. – Краснодар, 1976. – С. 174-175, 176-178).

¹⁰⁷ Цит. по: Скабичевский А. М. М. Ю. Лермонтов. Его жизнь и литературная деятельность. – СПб., 1891. – С. 69.

¹⁰⁸ Очерки традиционной культуры казачеств России. – М.; Краснодар, 2002. – С. 34.

¹⁰⁹ Впервые опубликован: Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов в действующем отряде генерала Галафеева во время экспедиции в Малую Чечню в 1840 г. // Русская старина. – 1884. – № 1. – С. 88-89. По компетентному мнению Н. П. Пахомова, «это единственный портрет, на котором поэт вышел действительно живым и непринужденным» (Пахомов Н. П. Лермонтов. – С. 48). Известен сходный отзыв А. А. Блока об этом наброске, изображающем «поэта “очень русским”, простым офицером в измятой походной фуражке»: «Не правда ли, Лермонтов только такой? Только на этом портрете? На остальных – не он» (Чуковский К. И. Александр Блок // Александр Блок в воспоминаниях современников. – Т. 2. – М., 1980. – С. 242).

¹¹⁰ Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Вновь найденный и впервые изданный его портрет. 1840 // Русская старина. – 1884. – № 1. – С. 239.

¹¹¹ Корнилова А. В. Кавказское окружение Лермонтова в альбомах современников // М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. – М., 1979. – С. 384-385, вклейка.

¹¹² Моду на этот головной убор ввел П. Е. Коцебу, начальник штаба ОКК (1837-1853 гг.). «Не подумайте, однако, – саркастически разъянял современник, – чтобы это была какая-либо немецкая оригинальная шапка или чухонский колпак: это просто фуражка, обтянутая белым чехлом, который покрывает вместе и козырек» (Хамар-Дабанов Е. Указ. соч. – С. 209-210).

¹¹³ Иванова Т. А. Лермонтов на Кавказе. – М., 1968. – С. 200, рис.

¹¹⁴ Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. – Т. 1. – С. 344. Летом 1841 г., нанося в Пятигорске визит И. Е. Дядьковскому, Лермонтов «все просил прощения, что не брит» (Смотров В. Письмо Н. Молчанова к В. В. Пассеку о последних днях и гибели Лермонтова // Литературное наследство. – Т. 45-46. – С. 715).

¹¹⁵ Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов в действующем отряде. – С. 85.

небольшие бороды (из сослуживцев Лермонтова – поручик П. А. Урусов 3-й, например)¹¹⁶, и начальство этим совершенно не беспокоилось¹¹⁷. Во всей армии «некоторые из военнослужащих дозволяют себе иметь на голове весьма длинные волосы и причесывают их или даже завивают, подражая всем прихотям новых, странных обычаев, нередко из-за границы к нам достигающих», – с раздражением констатировал приказ военного министра 1837 г.¹¹⁸ Отважный и толковый офицер, но педантичный и суховатый человек, Россильон просто дал волю своей антипатии к Лермонтову¹¹⁹. Каждый видит свое...

Итак, в экспедициях 1840 г. Лермонтов носил фуражку (с белым чехлом на тулье), сюртук¹²⁰ без эполет¹²¹, под ним красную рубашку и брюки навывпуск поверх сапог. Вооружен он был шашкой (на узкой ремненной плечевой портуpee из черной кожи) и кинжалом (на поясе).

Представляет интерес и выяснение деталей костюма, бывшего на Лермонтове в период его пребывания на Кавказе в 1841 г. и, в частности, в момент его гибели (15 июля). Только полным невежеством можно объяснить встречающееся иногда высказывание о некоем «кителе», бывшем на одном из участников дуэли¹²². Из свидетельств современников совершенно очевидно, что Лермонтов носил «шапку» (фуражку), как и секунданты¹²³, и сюртук (безусловно, без эполет)¹²⁴, который перед дуэлью расстегнул¹²⁵.

Под сюртук же он надел свою «историческую» (выражение П. А. Висковатова) канаусовую рубаху малинового¹²⁶ или красного¹²⁷ цвета. Относительно точного колера последней вещи мнения современников несколько расходятся. По всей вероятности, рубаха со временем просто выцвела, отчего визуально напоминала красную, либо, пропитанная кровью («Нельзя было хладнокровно смотреть на покойного: его канаусовая рубашка вся была смочена кровью») ¹²⁸ и грязью, казалась темнее обычного оттенка.

¹¹⁶ Гейнс К. Пшехский отряд с октября 1862 по ноябрь 1864 года. – СПб., 1866. – С. 163. Д. В. Ракович приписывает и Лермонтову в кампании 1840 г. бороду (Беличенко Ю. «Спецназ» поручика Лермонтова // Красная звезда. – 2001. – 28 нояб.), но ошибочно (Ракович Д. В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. – Тифлис, 1900. – С. 248): Лермонтов «отпустил баки и бороду и носил длинные волосы, не зачесывая их на висках» (явно интерпретация того же сообщения Россильона).

¹¹⁷ Ко времени поездки в Петербург Лермонтов, конечно же, волосы постриг коротко. «Усы длинноваты, концы закручены вверх по военной моде, волосы на пробор», – делится впечатлениями о горбуновском портрете Л. Келли. Ошибочно сюртук Лермонтова английский исследователь описывает (визуальное впечатление от портрета) как «темно-серый мундир Тенгинского пехотного полка» (Келли Л. Лермонтов: Трагедия на Кавказе. – М., 2006. – С. 159). В Пятигорске Лермонтов волосы «носил здесь летом коротко остриженными» (Лермонтов М. Ю. в воспоминаниях современников. – М., 1989. – С. 436). Судя по посмертному портрету кисти Р. К. Шведе, в 1841 г. поэт был коротко стрижен и носил небольшие усы (Ковалевская Е. А., Мануйлов В. А. Указ. соч. – С. 53).

¹¹⁸ Цит. по: Ашукин Н. С. Историко-бытовой комментарий к драме Лермонтова «Маскарад» // Лермонтов М. Ю. Маскарад: Сб. ст. – М.; Л., 1941. – С. 245.

¹¹⁹ См. об этом: Есаков А. Михаил Юрьевич Лермонтов. 1840 г. // Русская старина. – 1885. – № 2. – С. 474-475.

¹²⁰ П. А. Висковатов указывал, что в экспедиции 1840 г. Лермонтов «носил бурку на расстегнутом сюртуке», далее почти дословно передавая сообщение Россильона и описывая рисунок Палена (Висковатый П. Речка смерти. (Эпизод из кавказской жизни М. Ю. Лермонтова) // Исторический вестник. – 1885. – № 3. – С. 475). В своей биографии он ничего не говорит о ношении бурки, равно и мемуаристы умолчали о ней. Бурку обычно носили только в непогоду или в холода. Отсюда заключаем, что Висковатов добавил от себя этот факт.

¹²¹ В этой связи отметим т. н. «Портрет неизвестного», литографию Л. Я. Белоусова (между 1844-1853 гг.) по Р. К. Шведе (до 1844 г.), где представлен офицер в сюртуке без эполет, с отогнутым воротником и верхней частью бортов, в фуражке без кокарды и с шашкой на портуpee. Было высказано предположение об отождествлении изображенного лица с Лермонтовым. Однако, униформология в данном случае бессильна – литография не раскрашена. См.: Виноградов А. В. Лермонтовская Кубань (историко-литературоведческие этюды). – Армавир, 1997. – С. 45-51; Махлевич Я. Л. Лермонтов, 1841? // Ставрополье. – 1985. – № 5. – С. 80-96. Тем не менее, это изображение в некоторых работах последних лет уже открыто именуется портретом Лермонтова (Польский Л. Н. Лермонтов в Пятигорске – Пятигорск, 2002. – С. 21). В одном весьма спорном издании выдвигалась не лишняя, впрочем, смысла гипотеза о том, что в действительности это портрет М. П. Глебова (Герасименко А. Невольник чести. – М., 2004. – С. 33-34).

¹²² От издателя // Захаров В. А. Загадка последней дуэли. – С. 7.

¹²³ Щеголев П. Е. Лермонтов. – М., 1999. – С. 516. Другие документы о дуэли прямо называют четыре шапки фуражками (Нечаева В. С. Суд над убийцами Лермонтова: («Дело штаба Отдельного Кавказского Корпуса» и показания Н. С. Мартынова) // М. Ю. Лермонтов: Статьи и материалы. – М., 1939. – С. 39, 42).

¹²⁴ Вопреки сообщению П. К. Шугаева (Лермонтов М. Ю. в воспоминаниях современников. – С. 68).

¹²⁵ Мартыанов П. Последние дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова // Исторический вестник. – 1892. – № 4. – С. 91.

¹²⁶ Лермонтов в записках А. И. Арнольди / Публ. Ю. Г. Оксмана // Литературное наследство. – Т. 58. – М., 1952. – С. 472.

¹²⁷ Цит. по: Иванов С. В. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. – М., 1964. – С. 364.

¹²⁸ Лермонтов в записках А. И. Арнольди. – С. 476. Прим. 25.

Сын Мартынова передавал со слов отца, что на дуэли «Лермонтов стоял в рейтузах и красной канаусовой рубашке»¹²⁹. Однако, наличие на Михаиле Юрьевиче сюртука в момент выстрела противника не подлежит сомнению (см. ниже). В Пятигорск он тоже приехал «в расстегнутом армейском сюртуке, немного смятом и потертом в дороге»¹³⁰, без эполет. Карандаш (графит в камышовой оправе, длина 8 см), который, по словам Э. А. Шан-Гирей, достали «из жилета убитого Лермонтова»¹³¹, в действительности¹³² был вынут не из жилета, а «из бокового кармана сюртука секундантом Глебовым».

Что же касается кителя (белый полотняный двубортный сюртук свободного покроя, с очень длинными лапами), то он действительно встречается в походной форме младших офицеров ОКК с 1836-1840 гг. Так, упоминаются «холщовый китель»¹³³ прапорщика 10-го Черноморского линейного батальона А. А. Бестужева-Марлинского, или капитан Навагинского пехотного полка Д. В. Максимович «в белом кителе, при шашке»¹³⁴ и т. д. Однако, китель, во-первых, так никогда и не вытеснил сюртук до самого окончания Кавказской войны. А во-вторых, этот предмет имел очень мало общего с тем кителем, который был введен для офицеров армии в 1860 г. и ассоциируется в сознании неспециалистов с внешним обликом офицеров Кавказского корпуса времен Лермонтова. В частности, никаких офицерских погон в то время не существовало вообще – впервые они появляются (сначала на шинелях) только в 1854 году. Поэтому офицерский китель обходился вообще без знаков различия. Что же касается нижних чинов пеших войск¹³⁵, то у них белый холщевый китель летом (в сочетании с фуражкой в чехле) получает распространение с 1840-х гг., но уже к началу 1860-х гг. полностью исчезает из обихода¹³⁶.

С учетом вышесказанного, приходим к выводу, что летом 1841 г. Лермонтов носил тот же костюм, который был на нем годом ранее в Чечне – фуражку и сюртук поверх красной рубашки.

Опись 1841 г.

В завершение приведем перечень вещей, значащихся в документе, озаглавленном: «Опись имущества, оставшегося после убитого на Дуэли Тенгинского Пехотного полка поручика Лермонтова» (17 июля 1841 г.)¹³⁷. Можно сравнить этот текст с некоторыми сходными по характеру источниками. Например, в фондах ГАСКа хранится опись вещей убитого под Ахульго корнета князя Д. Гуриела из Казачьего Атаманского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка, откомандированного на Кавказ (январь 1840 г.)¹³⁸. Известна и другая опись (июль 1852 г.) деталей костюма офицера, тоже убитого горцами – Тенгинского пехотного полка штабс-капитан А. Г. Худoley, однополчанин Лермонтова¹³⁹. Однако, в отличие от приведенного ниже документа, перед нами не весь гардероб того или иного офицера, а лишь «имение», оставшееся, очевидно, на хранении в его квартире, описанное и

¹²⁹ Мартынов С. Н. История дуэли М. Ю. Лермонтова с Н. С. Мартыновым // Русское обозрение. – 1898. – № 1. – С. 323. В. Я. Брюсов, однако, не без оснований усматривал здесь сходство с текстом А. С. Пушкина (Дронов В. Пометы Брюсова на полях сочинений Лермонтова // Литература и Кавказ. – Ставрополь, 1972. – С. 111).

¹³⁰ Филиппов С. Лермонтов на кавказских водах. (Рассказ современника) // Русская мысль. – 1890. – № 12. – С. 72.

¹³¹ Корганов В. Д. Статьи, воспоминания, путевые заметки, биобиблиография. – Ереван, 1968. – С. 347.

¹³² Цит. по: Вейс А. Ю., Ковалевская Е. А. Памятные вещи // Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома. – Т. 2. М. Ю. Лермонтов (*Описание ИРЛИ*). – М.; Л., 1953. – С. 158.

¹³³ Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. – Т. 2. – М., 1980. – С. 172. О ношении офицерами кителя см.: Воспоминания В. А. Полторацкого // Исторический вестник. – 1893. – № 3. – С. 750; № 6. – С. 679, 680.

¹³⁴ Ливенцов М. Воспоминания о службе на Кавказе в начале сороковых годов. (Извлечения из дневника) // Русское обозрение. – 1894. – № 6. – С. 621.

¹³⁵ Кавказским драгунам и саперам китель был положен официально, и именно у этих родов войск он и был заимствован прочими солдатами и офицерами ОКК. Английский очевидец в 1829 г. называет кавалерийские кителя «белыми холщевыми сюртуками» (Alexander J.E. Travels to the Seat of War in the East through Russia and Crimea in 1829. – Vol. II. – London, 1830. – P. 124).

¹³⁶ Бобровский П. О. История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. 1642-1892. – Ч. 4. – СПб., 1895. – С. 277; Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. – Т. 2. – М., 1979. – С. 13. Ср.: Wl-off G. Souvenirs d'un officier du Caucase. – Paris, 1899. – P. 19 (под «la blouse blanche ou bleue», вероятно, понимается китель, но скорее рубашка, поскольку синий цвет для кителя не характерен).

¹³⁷ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 9. – С. 407-409; Щеголев П. Е. Указ. соч. – С. 509-512. По словам В. И. Чилаева, опись эта вторичная, поскольку в первую, составленную в отсутствие А. А. Столыпина, были включены многие стольпинские вещи, включая пистолеты (Мартынов П. Указ. соч. – С. 100. Прим. 2).

¹³⁸ ГАСК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 23. Лл. 1-1 об., 42-42 об., 43 об., 44.

¹³⁹ Ставропольские губернские ведомости. – 1852. – К № 29. – С. 426. Гуриел был убит 23 августа 1839 г., Худoley – 5 апреля 1852 г. (Гизетти А. Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801-1885 г.г. – Тифлис, 1901. – С. 47, 102).

проданное с аукциона в отсутствие претендентов на это имущество. Напротив, опись вещей Лермонтова представляет собой описание именно того гардероба поэта, который он в мае 1841 г. привез в Пятигорск. Эти «разные вещи» (условно обозначенные нами как гардероб № 1) после гибели владельца А. А. Столыпина обязался доставить «родственникам его Лермонтова» (28 июля).

В то же время вещи Лермонтова, оставленные им в крепости Анапа (в декабре 1840 г. – январе 1841 г.) (гардероб № 2), были, как обычно, в отсутствие наследников и родственников, распроданы с торгов. Вырученные деньги (сумма составила примерно 76-103 руб.), скорее всего, поступили в казну Тенгинского полка¹⁴⁰. Реестров этих вещей (по мнению В. А. Захарова, «это были предметы обмундирования»¹⁴¹), к сожалению, не обнаружено.

Тем большую ценность приобретает **опись гардероба № 1** (особенно учитывая то, что вещи, занесенные в нее, практически в полном составе не дошли до нас). Данное описание не представляет собой ничего необычного, но именно в этом и кроется его огромная ценность для изучения кавказского военного мундира. При крайней скудости опубликованных источников всякий новый материал представляет собой серьезное подспорье исследователю.

Во-первых, опираясь на документ, становится возможным установить с документальной точностью костюм Лермонтова в период нахождения его весной и летом 1841 г. в Ставрополе, Пятигорске и Железноводске. Во-вторых, появляется уникальная возможность проверить, дополнить, подтвердить или уточнить свидетельства современников и участников тех кавказских событий 1841 г. относительно внешнего вида поэта. Также, сравнивая этот источник с мемуарной литературой, есть основания утверждать, что походный мундир Лермонтова в чеченской экспедиции 1840 г. составляли те же предметы, которые мы находим в описи от 17 июля, и которые он носил тем летом. Наконец, этот редчайший документ, благодаря его неоднократной публикации доступный всеобщему обозрению, лишний раз доказывает то, насколько максимально приспособлен был для ведения войны в условиях Кавказа (и, что крайне важно, с ведома и прямого дозволения высшего начальства) офицерский костюм. Итак:

И. Головные уборы

1. № 49, 76 (здесь и далее номера по описи). «Шапка Шерстяная вязаная синего цвету старая с красным околушком (околышем – *М. Н.*)» и «Шапочек вязанных бомажных» две штуки. Очевидно, подразумевается домашний головной убор¹⁴².

2. **Фуражка**: № 85. «Фуражка Суконная белая с красным околушком». Как любезно подсказал нам В. В. Стецов, речь, несомненно, идет о фуражке в белом чехле на тулье – походном головном уборе Лермонтова. (Будучи пехотным офицером¹⁴³, Лермонтов носил темно-зеленую фуражку с красным околышем¹⁴⁴).

Однако, белый цвет чехла резко выделялся на темном фоне и в походе становился хорошей мишенью для противника – горцев, персов, турок. «Где только завидят белые шапки, туда и целят»¹⁴⁵, – писал о персах А. С. Грибоедов. Поэтому целые батальоны, случалось, летом воевали на Кавказе без чехлов.

Но офицеры, особенно молодые, нередко пренебрегали этим правилом¹⁴⁶. Тем более, что их сюртук и без того представлял собою удобную мишень для вражеского стрелка на светлом фоне солдатских рубах или шинелей. Так, 8 апреля 1838 г. генерал-майор Н. Н. Раевский доносил командующему ОКК генерал-лейтенанту Е. А. Головину о польских дезертирах на Черноморском

¹⁴⁰ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 9. – С. 266.

¹⁴¹ Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. – С. 620.

¹⁴² Ср.: «...В персидском халате и шелковой на голове шапочке» (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. – Т. 2. – С. 161).

¹⁴³ В Тенгинском пехотном полку поручик Лермонтов состоял с 13 апреля 1840 г. (Герштейн Э. Г. Секретные сведения о Лермонтове // М. Ю. Лермонтов. Статьи и материалы. – Ставрополь, 1960. – С. 179). С Селенгинским пехотным полком (11-я пехотная дивизия, красное поле эполет, № 21) (Звегинцов В. В. Указ. соч. – С. 519, 521) Лермонтов никогда не имел ничего общего, вопреки некоторым «исследованиям» (Зоркин В. И. М. Ю. Лермонтов в Селенгинском пехотном полку // Ангара. – 1969. – № 3. – С. 110-117; Он же. История одного портрета // В мире книг. – 1973. – № 11. – С. 85-86). См.: Шинкаренко И. П. Указ. соч. – С. 4.

¹⁴⁴ Мы подчеркиваем данную деталь, поскольку во многих художественных произведениях эта фуражка становится именно белой (цит. по: Очман А. В. Роковой поединок. Дуэль и гибель М. Ю. Лермонтова в отечественной литературе XX века. – Пятигорск, 2001. – С. 153, 189).

¹⁴⁵ Грибоедов А. С. Соч.: В 2 т. – Т. 2. – М., 1971. – С. 173.

¹⁴⁶ Гейман В. А. 1845 год. Воспоминания // Даргинская трагедия. 1845 год. – СПб., 2001. – С. 369.

побережье: «Уже в стычках доходили до нашей цепи стрелков крики на Польском языке: “цельте в черных”, подразумевая под этим наших офицеров»¹⁴⁷.

3. **Шапка**: № 82. «Папах форменных с прибором из коих одна старая две». Имеется в виду черная овчинная шапка образца 1829-1842 гг. для ОКК, на которую с прежнего кивера был перенесен весь «прибор» (герб и подбородная чешуя) с заменой только султана серебряным помпоном. Современники оставили ряд описаний Лермонтова в этой шапке, но вне Кавказа. Дело в том, что, хотя шапка и представляла собой шаг вперед по сравнению с кивером, но вряд ли можно было назвать ее практичной – будучи скорее вариацией на старые темы, шапка оказалась столь же неудобной. Кавказские полки быстро вернулись к фуражкам, а обременительные шапки стали оставлять в штаб-квартирах. Ни один известный нам источник не сообщает о ношении их в походе. Поручик Н. В. Симановский, участник экспедиции 1837 г., записал 8 июня в дневнике: «Пришло от корпусного командира барона Розена приказание, чтобы все гг. прикомандированные офицеры на царском смотре были бы непременно в полной парадной форме, почему я и написал в Москву к Александрову-1, прося его выслать мне поскорее мою шапку»¹⁴⁸.

Думается, Лермонтов возил с собой эти шапки только на случай поездки в Петербург или Москву, где требовалось строгое соблюдение форменного мундира¹⁴⁹. Именно там и запечатлели шапку мемуаристы 1841 года. «В своем армейском мундире и с кавказским кивером», – описывал В. И. Красов впечатления от встречи с Лермонтовым¹⁵⁰. А К. А. Бороздин запомнил, что поэт «все время возился с своим неуклюжим кавказским барашковым кивером, коническим, увенчанным круглым помпоном»¹⁵¹.

II. Форменная одежда

1. **Сюртуки**: № 29-31. «Сертуков суконных форменных поношенных с красною подкладкою» – два, «Сертук Летний шерстяного ластику» и «Сертук суконный форменный на калмыцком меху». Еще один сюртук был на Лермонтове в момент гибели. Позднее, «так как он был весь в крови и грязи и прострелен пулею»¹⁵², сюртук был сожжен слугой поэта – «никому тогда не пришлось в голову сохранить его»¹⁵³.

Темно-зеленый двубортный¹⁵⁴ сюртук служил наиболее распространенным элементом офицерской формы одежды. В данном случае он имел темно-зеленые с красной выпушкой по верху круглые обшлага и красный¹⁵⁵ стоячий воротник. На картине К. А. Горбунова¹⁵⁶ Лермонтов запечатлен

¹⁴⁷ Архив Раевских. – Т. III. – СПб., 1910. – С. 662. Вариант: «Уже в стычках доходили до нашей цепи стрелков крики на польском языке: «цельте в черных». Беглые ... сими словами означают по платью наших офицеров» (Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (сборник документальных материалов). – Тбилиси, 1953. – С. 144). См.: Кругов А. И., Нечитайлов М. В. Поляки на Кавказе: «За нашу и вашу свободу»? // Европа и Северный Кавказ в XIX-XX вв.: опыт межкультурной коммуникации и социокультурной адаптации. – Ставрополь, 2005. – С. 35-36.

¹⁴⁸ Симановский Н. В. Дневник. 2 апреля – 3 октября 1837 г., Кавказ // Звезда. – 1999. – № 9. – С. 199.

¹⁴⁹ Появление в конце 1846 г. в Петербурге двух адъютантов М. С. Воронцова в фуражках, но при гвардейских адъютантских мундирах, произвело настоящий фурор «в салонах и на улицах, где военный в фуражке был тогда чудом для всех. Начальство гвардейского корпуса заявило, что приезжие, числясь в гвардии, должны следовать форме гвардейской, а не кавказской; князь Воронцов выразил противное мнение и, наконец, победа осталась за фуражками, к великому соблазну служак-формалистов» (Лонгинов М. Н. Заметки о Лермонтове и о некоторых его современниках // Русская старина. – 1873. – № 3. – С. 386-387).

¹⁵⁰ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М., 1964. – С. 302.

¹⁵¹ Лермонтов М. Ю. в воспоминаниях современников. – С. 353 (ранее считалось, что автором воспоминаний был И. П. Забелла). Символичен в этом отношении комментарий М. И. Гиллельсона и О. В. Миллер, демонстрирующий неведение лермонтоведов в деталях русского военного мундира: «Кивер с кистью Лермонтов никогда не носил. Это ошибка мемуариста» (Там же. – С. 595. Прим. 3). Кивер с кистью Лермонтов действительно никогда не носил. Но кисть и помпон (у офицеров посеребренный или позолоченный шар, крепился на верху головного убора) в военном мундире – разные вещи, и у Лермонтова помпон был и на гусарском кивере, и на шапке драгун или Тенгинского полка. Мемуарист, кстати, ошибочно называет овчинную шапку (или «овчинный папах»), как в ряде документов того времени) кивером из-за сходства силуэта первой с сужающимся кверху кивером. Овчинная шапка ОКК была введена в 1829 году, а не в 1834 г., как комментировало данное место издание 1964 г., М. И. Гиллельсон и В. А. Мануйлов (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 498. Прим. 4). Шапку запретили носить в ноябре 1842 г. (за исключением драгун?), заменив ее фуражками (Звегинцов В. В. Указ. соч. – С. 469, 517, 528).

¹⁵² Мартыанов П. Рассказы Христофора Саникидзе о Лермонтове // Исторический вестник. – 1895. – № 2. – С. 600.

¹⁵³ Шан-Гирей Э. Воспоминание о Лермонтове // Русский архив. – 1889. – № 6. – С. 319.

¹⁵⁴ Два ряда по 6 пуговиц – вопреки сюртукам на некоторых памятниках Лермонтово.

¹⁵⁵ А. Чарыков, несомненно, ошибался, когда писал, что в Пятигорске у Лермонтова в 1841 г. сюртук «был уже не с белым, а с красным воротником». Как он указывает сам, в 1840 г. Лермонтов носил форму Тенгинского полка (Чарыков А. К воспоминаниям о Лермонтове // Исторический вестник. – 1892. – № 6. – С. 815, 816), т.е. красный воротник. Ношение штатского сюртука или одежды другого полка исключается (а таковой белый воротник, с зеленой выпушкой, на темно-

именно в сюртуке Тенгинского полка¹⁵⁷, с вызолоченными пуговицами (на них № «39»), но без эполет, с одними золотыми галунными контр-погончиками. Сюртук на красной стамедной подкладке (заметной на отворотах) и с отогнутым воротником (см. ниже). Через правое плечо перекинута перевязь шашки.

Часто свой сюртук офицеры подбивали мехом, что мы видим в описи. Летний вариант, напротив, шили из более тонкой ткани¹⁵⁸. «Он равно в жар и в холод носит под сюртуком ахалук на вате»¹⁵⁹, – писал сам Лермонтов о кавказской моде – архалуках или бешметах¹⁶⁰. Большим шиком считалось ходить в расстегнутом сверху донизу сюртуке поверх цветного шелкового бешмета (или рубашки, как в случае Лермонтова) и с кинжалом на поясе¹⁶¹. Самого поэта в походе или вне строя всегда отличал отогнутый назад воротник расстегнутого сюртука¹⁶², открывающий шейный платок. Ф. Боденштедт описывает облик Лермонтова в Москве зимой 1840-1841 гг.: «У него на шее был небрежно повязан черный платок; военный сюртук без эполет был не нов и не доверху застегнут, и из-под него виднелось ослепительной свежести тонкое белье»¹⁶³. А. А. Краевский пояснял, что Лермонтов «имел короткую шею, и стоячий воротник был ему неприятен»¹⁶⁴.

«Было на Кавказе в обычае» не надевать эполет не только в походах, но и в повседневном обиходе. «Все Кавказские офицеры, – замечал А. Л. Зиссерман, – носили Черкесские шашки и сюртуки без эполет, но с контрпогонами»¹⁶⁵.

2. **Мундир**: № 32. «Мундир поношенный». Темно-зеленый фрачный мундир Тенгинского полка имел красные воротник, обшлага с клапанами и отвороты фалд, красную выпушку по борту, талии и карманным складкам, девять пуговиц спереди. Видимо, именно этот мундир Лермонтов надевал во время жизни в столице. Здесь необходимо заметить, что нам совершенно неясно, на чем основана гипотеза Г. Э. Введенского о том, что «мундира Тенгинского пехотного полка Лермонтов так и не надел»¹⁶⁶.

Во-первых, адъютант П. Х. Граббе прапорщик Я. И. Костенецкий запомнил, что в декабре 1840 г. Лермонтов явился к нему в канцелярию штаба «в полной форме»¹⁶⁷. Т. е. при мундире: Печорин является к Максиму Максимычу «в полной форме», и при этом «на нем мундир был такой новенький» («Бэла») ¹⁶⁸. В Пятигорске Лермонтов и Столыпин представлялись коменданту В. И. Ильешенкову тоже «в парадной форме»¹⁶⁹ (май 1841 г.). Форма для явки к вышестоящим чинам на Кавказе претерпевала определенные изменения. К середине 1840-х гг.¹⁷⁰ начальству представлялись именно «в сюртуке, без эполет, без шпаги» и в фуражке. Но в 1830-е гг.¹⁷¹ еще сохранялись старые порядки, когда к старшему

зеленом сюртуке имелся в 1840 г. во всей армии только у Рижского драгунского полка), значит это неточность мемуариста, писавшего в начале 1890-х гг.

¹⁵⁶ Лермонтовская энциклопедия. – С. 528-529, вклейка.

¹⁵⁷ Махлевич Я. Л. Цюрих – Петербург – Кавказ. «Живописное путешествие» Иоганна Якоба Мейера в 1842-1845 годах. *Новое имя в истории русско-швейцарских культурных связей* // Панорама искусств-7. – М., 1984. – С. 125.

¹⁵⁸ Филипсон Г. И. Воспоминания. 1837-1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2000. – С. 148. Впрочем, офицеры могли и летом воевать в меховом сюртуке.

¹⁵⁹ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. – Т. 4. – С. 145.

¹⁶⁰ Бриммер Э. В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1 кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский сборник. – Т. XV. – Тифлис, 1894. – С. 202; Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. – 1883. – № 6. – С. 253; 1845 год. Воспоминания В. А. Геймана // Кавказский сборник. – Т. III. – Тифлис, 1879. – С. 354; Потто В. А. Генерал-адъютант И. Д. Лазарев. – Тифлис, 1900. – С. 83.

¹⁶¹ 1845 год. Воспоминания В. А. Геймана. – С. 359.

¹⁶² Висковатов П. А. Указ. соч. – С. 442. Прим. 46.

¹⁶³ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 263, 295, 310.

¹⁶⁴ Цит. по: Пахомов Н. П. Указ. соч. – С. 51.

¹⁶⁵ Зиссерман А. Л. Критические заметки. О фельдмаршале князе Барятинском. – О Лермонтове // Русский архив. – 1885. – № 5. – С. 81.

¹⁶⁶ Введенский Г. Указ. соч. – С. 67. Не менее надуманны пространные рассуждения автора о том, что же носил Лермонтов во время своего пребывания в столице (Там же).

¹⁶⁷ Костенецкий Я. И. Воспоминания из моей студенческой жизни // Русский архив. – 1887. – Кн. 1. – Вып. 1. – С. 112.

¹⁶⁸ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. – М., 1962. – С. 11.

¹⁶⁹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 321.

¹⁷⁰ Гейман В. А. Указ. соч. – С. 397. «Вообще, офицеры ... не любили стеснять себя: явиться, например, к начальнику в домашнем костюме, т.е. ... без эполет ... без сюртука, в каком-нибудь домашнем архалуке ... не считалось предосудительным» (Петров А. История 83-го пехотного Самурского Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Александровича полка. – Петровск, 1892. – С. 132).

¹⁷¹ Бриммер Э. В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1 кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский сборник. – Т. XVI. – Тифлис, 1895. – С. 187; Записки И. П. Дубецкого // Русская старина. – 1895. – № 6. – С. 139. Прим. 1.

офицеру должно было являться по служебным делам «в мундире, при шарфе», что соответствовало уставу. Конечно, бывали и исключения, многое зависело от самого начальника, но таков был порядок. Вспомним, что в 1837 г. Лермонтов «приехал в Ставрополь совсем без вещей, которые у него дорогой были украдены¹⁷², и поэтому явился к начальству не тотчас по приезду в город, а когда мундир и другие вещи были приготовлены, за что он и получил выговор, так как в штабе нашли, что он должен был явиться, в чем приехал»¹⁷³.

Во-вторых, офицер **не мог не располагать** мундиром полка, в котором служил, пускай в поход он его не брал. Например, из дневника Н. В. Симановского¹⁷⁴ видим, что мундиры привезли только 9 или 10 июня 1837 г., лишь спустя месяц после начала похода, и, очевидно, одним только прикомандированным к отряду гвардейцам.

«В то время, – вспоминала Э. А. Шан-Гирей, – в торжественные дни, все военные должны были быть в мундирах; а так как молодежь, отпускаемая из экспедиции на самое короткое время отдохнуть на воды, мундиров не имела, то и участвовать в парадном балу не могла...»¹⁷⁵. Однако, это означает не то, что у Лермонтова не было полкового мундира вообще, а лишь то, что на бал в Кисловодск (август 1840 г.) он приехал без него. Исходя из других источников, можно полагать, что на балы и в Пятигорске только все «желающие танцевать должны были явиться в мундирах; прочие, кому здоровье не позволяло наряжаться, могли быть в сюртуках»¹⁷⁶. Причем, все это были строгости местного начальства: сам Государь в июне 1837 г. дозволил штаб- и обер-офицерам на минеральных водах ходить в сюртуках и фуражках¹⁷⁷. А присутствовать на балу кавказский офицер мог в сюртуке и ... ермолке¹⁷⁸.

В-третьих, в Москве во время отпуска Лермонтов «носил пехотную армейскую форму», и В. И. Красов запомнил его в «армейском мундире и с кавказским кивером»¹⁷⁹. Сюртук Лермонтова очевидцы прямо называли принадлежащим к полковой форме¹⁸⁰. Наконец, то, что мундиром своего полка Лермонтов все же располагал, следует из цитированного выше отрывка описи его вещей.

3. **Верхняя одежда:** № 43-44. «Шинель Светло серого Сукна с красным воротником Летняя на демикатоновой подкладке», «Таковаяже на вате светлосерого сукна с бобровым воротником подкладка таковая же» (зимняя «Николаевская» шинель).

Форменная шинель имела висячий «большой воротник» (пелерину) и стоячий «малый воротник». В январе 1841 г. длина пелерины, «начиная от нижнего края малого воротника», была ограничена размерами в «только один аршин»¹⁸¹. Лермонтов, по словам П. И. Магденко, «имел обыкновение отгнать воротник» не только на сюртуке, но и на своей шинели¹⁸².

Зимний шинельный воротник из меха бобра пользовался популярностью. Бобровый воротник на зимнюю шинель заказывал себе примерно за 100 руб. А. А. Бестужев после производства в офицеры¹⁸³. Среди вещей корнета Гуриела значилась «шинель старая с бобровым воротником и шелковой подкладкою» (1840 г.)¹⁸⁴. В черновиках «Набега» (1852 г.) Л. Н. Толстой описывает генерала (А. И. Барятинский), который, «увернувшись в шинель с бобровым воротником ... представлял из себя ... живописную картину»¹⁸⁵.

III. Рубашки и белье

¹⁷² Это случилось в Тамани. Произошедшие там события поэт позднее красочно описал в одноименной повести (Захаров В. Заметки к биографии М. Ю. Лермонтова. – Вып. 1. – М., 1999. – С. 24). Факт кражи вещей у Лермонтова (в «Тамани» перечислены шкатулка, шашка и кинжал) подтверждает в письме отцу Николай Мартынов (5 октября 1837 г.): «...Его обокрали по дороге» (Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 7. – С. 109).

¹⁷³ Цит. по: Захаров В. А. Две поездки М. Ю. Лермонтова на Кубань // Русская литература. – 1983. – № 4. – С. 144. Деньги на пошив формы (1050 руб.) Лермонтову одолжил П. И. Петров (Захаров В. А. Лермонтов на Кубани. – М., 1998. – С. 20).

¹⁷⁴ Симановский Н. В. Указ. соч. – С. 198-200, 208, 212.

¹⁷⁵ Шан-Гирей Э. Еще о Лермонтове // Русский архив. – 1887. – № 11. – С. 438. См.: Недумов С. И. Лермонтовский Пятигорск. – Ставрополь, 1974. – С. 165. Дата бала иногда оспаривается лермонтоведами.

¹⁷⁶ Хамар-Дабанов Е. Указ. соч. – С. 211.

¹⁷⁷ ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. XII. – Отд. 2-е. – 1837. – СПб., 1838. – № 10441.

¹⁷⁸ Заславский И. Я. Три сюжета из ознобишинского архива // Лермонтовский сборник. – Л., 1985. – С. 263.

¹⁷⁹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 163, 380.

¹⁸⁰ Лорер Н. И. Записки моего времени. Воспоминание о прошлом // Мемуары декабристов. – М., 1988. – С. 510.

¹⁸¹ ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. XVI. – Отд. 1-е. – 1841. – СПб., 1842. – № 14214.

¹⁸² Магденко П. Михаил Юрьевич Лермонтов в июне 1841 г. // Русская старина. – 1879. – № 3. – С. 527.

¹⁸³ Трудные годы: Декабристы на Кавказе. – Краснодар, 1985. – С. 160.

¹⁸⁴ ГАСК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 23. Л. 43 об.

¹⁸⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. – Т. 2. – М., 2002. – С. 286.

№ 50, 52, 59, 60, 53, 54, 65, 58, 63, 64, 55, 56. «Рубашек канаусовых старых» семь. Именно эти рубахи Лермонтов надевал под свой сюртук. «Холщовых белых старых» рубах две. «Фланелевая длинная» рубаха. Фланелевые, холщевые, холстинковые или лосинные подштанники и пять фуфак (три фланелевые, летняя канифасовая и лосинная). В придачу – нитяные (12 пар) или шерстяные (3 пары) носки и носовые платки из цветного шелка (8) или белого батиста (5).

IV. Брюки

1. № 33. «Брюк одни новые другие поношенные суконных форменных» двое. Форменные панталоны офицеру полагались зимние (темно-зеленые с красной выпушкой по боковым швам) и летние (белые полотняные или замшевые; по уставу они носились с 15 мая по 15 сентября).

2. № 34-36, 51. «Шаровара поношенные», «Таковые же верблюжие старые», «Таковые-же Серого Сукна поношенные», «Шаровара летние белые». Среди шаровар упоминаются очень популярные на Кавказе среди офицеров желтые шаровары из лезгинского «верблюжьего» сукна, с прорезными карманами, непременно на шелковом очкуре (поясном шнуре)¹⁸⁶. Можно думать, что их Лермонтов носил еще в 1840 г.

V. Предметы кавказского костюма

1. Черкесское платье: № 38, 40. «Черкеска простого темного сукна», «Бешмет Белый каленкоровый (коленкор – тонкая бумажная ткань – М. Н.)».

Первым делом прибывшие на Кавказ офицеры покупали себе («разумеется, втридорога», скептически отмечал очевидец) бурку (в непогоду ее носили вместе с шинелью), башлык, папаху и шашку. Не менее модным у офицеров было полностью одеваться по-черкесски¹⁸⁷, «и никто не находил этого неправильным». «Большая часть офицеров, особенно приезжих, – свидетельствовал Г. И. Филипсон, – носили этот костюм если не публично, то по крайней мере в своей квартире»¹⁸⁸. «Пестрота одежды, форм, моды чрезвычайно разительна в Пятигорске, оттого что, кроме русского и европейского покроя, можно видеть и азиатский, – вторил ему служивший там А. Е. Розен. – ...Офицеры в черкесском наряде гарцуют на славнейших черкесских конях»¹⁸⁹. Правда, в боевых условиях офицеры с одеждой «национального черкесского костюма»¹⁹⁰ старались надевать форменную фуражку, чтобы свои же солдаты не приняли за горца¹⁹¹. Вспомним Печорина, которого казаки «по одежде приняли ... за черкеса». При иных обстоятельствах такая встреча могла закончиться трагически, в лучшем случае – трагикомическим образом. Отсюда и принимаемые меры предосторожности.

Лакеи, камердинеры, повара вслед за своими господами рядились в черкески и папаху¹⁹². «Люди» Лермонтова (два наемных слуги) и А. А. Столыпина тоже были одеты «по-кавказски, ... в папахах и черкесках верблюжьего сукна», «с шашками и кинжалами», как сообщает встретивший их на пути из Ставрополя в Георгиевск П. И. Магденко¹⁹³. Г. Г. Гагарин зарисовал слугу Лермонтова, Х. Д. Саникидзе, в этой желтой (верблюжьей) черкеске с зелеными сафьяновыми газырями (1841 г.)¹⁹⁴.

Причину перехода на местные образцы угадать нетрудно: они были красивы, удобны и приспособлены к климату и роду войны. Изящный дизайн костюма, наиболее удовлетворяющий

¹⁸⁶ Воспоминания Г. И. Филипсона. – С. 90, 114; Из записок князя Амилахвари. – С. 29-30, 39; Каченовский В. Л. Первое знакомство с Кавказом. От Червленной до Хасав-Юрта. 1846 // Военный сборник. – 1863. – № 7. – С. 160; Корнилова А. В. Указ. соч. – С. 384; Нечитайлов М. В., Стецов В. В. От идеи к реальности. (К вопросу об эволюции русского мундира в Кавказской войне) // Воин. – 2003. – № 11. – С. 84; 1845 год. Воспоминания В. А. Геймана. – С. 273.

¹⁸⁷ Шимановский Н. В. Арест Грибоедова // Грибоедов А. С. Сочинения. Воспоминания современников. – М., 1989. – С. 443-444.

¹⁸⁸ Воспоминания Г. И. Филипсона. – С. 93; Захаров В. А. Загадка последней дуэли. – С. 283 («Герзель-аул» Н. С. Мартынова; феска, впрочем, к элементам кавказского костюма не относится – ее случайное появление у адыгов (Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. – Краснодар, 1996. – С. 281) следует объяснять турецким влиянием); Дондуков-Корсаков А. М. Указ. соч. – С. 444.

¹⁸⁹ Розен А. Е. Записки декабриста. – СПб., 1907. – С. 249.

¹⁹⁰ Цит. по: Туганов Р. У. История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. – Нальчик, 1998. – С. 50.

¹⁹¹ Кавказцы. (О малоизвестном очерке М. Ю. Лермонтова «Кавказец») // Северный Кавказ в истории России. XIX век. – М., 2004. – С. 135, рис.; Каченовский В. Л. Указ. соч. – С. 168.

¹⁹² Дондуков-Корсаков А. М. Указ. соч. – С. 477; Записки И. П. Дубецкого // Русская старина. – 1895. – № 4. – С. 138. «Простой народ в Ставрополе и вообще в Кавказской области носит черкесское платье», – замечал современник (цит. по: Попов А. В. Декабристы-литераторы на Кавказе. – Ставрополь, 1963. – С. 119). Ср.: Невская Т. А., Чекменев С. А. Ставропольские крестьяне: (Очерки хозяйства, культуры и быта). – Минеральные Воды, 1994. – С. 92.

¹⁹³ Магденко П. Указ. соч. – С. 527.

¹⁹⁴ Корнилова А. В. Григорий Гагарин. Творческий путь. От романтизма к русско-византийскому стилю. – М., 2001. – С. 116.

эстетике мужской фигуры¹⁹⁵, формировал своего рода культ мужественности, таивший скрытую агрессию¹⁹⁶. «Мужская одежда у черкес, – сообщал Хан-Гирей, – красотой и удобностью превосходит все одеяния, мне известные, не только в Азии, но даже и в Европе...»¹⁹⁷.

Усвоение солдатами и офицерами комплекса горской мужской одежды и оружия было связано с тем, что он максимально отвечал тактике мобильных действий бойца-одиночки, был приспособлен «как нельзя лучше к наездничеству и к конной драке»¹⁹⁸. Особенно черкесскую одежду ценили офицеры и казаки «как за легкость и удобство покроя, так и за прочность сукна»¹⁹⁹. Походный мужской костюм оказался предельно целесообразным в своей функции при относительной конструктивной простоте составляющих элементов. В этой красоте²⁰⁰ и одновременно простоте и надежности кавказской одежды (см. ниже слова Печорина) – залог ее исключительной популярности среди военнослужащих ОКК²⁰¹.

Черкесская одежда, оружие, сбруя и конь составляли «предмет военного щегольства», пользуясь уважением и предпочтением²⁰². Так, лермонтовский герой Г. А. Печорин в «черкесском костюме верхом»²⁰³ был «совершенный денди: ни одного галуна лишнего, оружие ценное в простой отделке, мех на шапке не слишком длинный, ни слишком короткий; ноговицы и черевики пригнаны со всевозможной точностью; бешмет белый, черкеска темно-бурая»²⁰⁴.

Интересно, что английский исследователь Ч. Тернер считал черкесский костюм Печорина (упоминаемый также во время его службы в крепости²⁰⁵, хотя и не «на свадьбе в горном ауле», как полагала О. В. Миллер) свидетельством его недостоверности, фальши, зафиксированной в дневнике²⁰⁶. Однако, не говоря уже о том, что офицеры на Кавказе часто одевались по-черкесски (см. выше), в печоринском костюме мы видим почти дословное совпадение с предметами из гардероба автора. Этот факт – новое подтверждение того обстоятельства, что «автобиографическая основа образа Печорина явно давала себя знать», воплощая «существенные стороны»²⁰⁷ образа мыслей и некоторые черты облика самого Лермонтова. Кроме того, отмечал С. Н. Дурьлин, как показывает изучение обширного исторического и бытового материала, относящегося к эпохе и месту действия «Героя нашего времени», Лермонтов строил образ Печорина, все другие образы романа, весь его бытовой фон и сценарий действия на точном основании и изучении действительности 1820-1830-х гг.²⁰⁸

«Совершенный денди» стремился подражать черкесскому щегольству. По словам А. Л. Зиссермана, Кабарда «искони считалась на всем севере Кавказа образцом, достойным подражания. Кабардинцы были в некотором роде кавказскими французами...; отсюда распространялась мода на платье, на вооружение, на седловку, на манеру джигитовки»²⁰⁹. Кавказский денди («франт, щеголь»)

¹⁹⁵ Кавказ в сердце России. – М., 2000. – С. 136; Ткачев Г. А. Станица Червленая. Исторический очерк. Вып. 1-й // Сборник Общества Любителей Казачьей Старины. – № 7-12. – Владикавказ, 1912. – С. 113.

¹⁹⁶ Ср.: Абдулвахובה Б. Б. Традиционная мужская одежда вайнахов в XVI – начале XIX в. // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2002. – С. 126; Дмитриев А. В. Клинки Златоуста // ВИЖ. – 1993. – № 12. – С. 77.

¹⁹⁷ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик, 1978. – С. 240.

¹⁹⁸ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – Т. I. – Кн. 1. – СПб., 1871. – С. 64.

¹⁹⁹ Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. – СПб., 1858. – С. 199.

²⁰⁰ Мужчин-горцев одевали с ног до головы женщины, и во всех результатах их труда был «виден тонкий вкус и отличное практическое приспособление» (Дубровин Н. Ф. О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик, 2002. – С. 188-189).

²⁰¹ Дмитриев В. А. Типология русско-северокавказских заимствований в материальной культуре // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия»: Исторические чтения. – СПб., 2001. – С. 61-63; Заседателева Л. Б. Культура и быт северокавказского казачества // Северный Кавказ в истории России. XIX век. – М., 2004. – С. 40; Очерки традиционной культуры казачества России. – С. 42; Фролов Б. Е. Об адыгском влиянии на оружие черноморских казаков // Фольклорно-этнографические исследования этнических культур Краснодарского края. – Краснодар, 1995. – С. 78-80, 86.

²⁰² Назарова И. М. К вопросу о межнациональных отношениях на Северном Кавказе // Региональные проблемы исторической науки: Материалы XII научно-методической конференции «Университетская наука – региону». – Ставрополь, 1998. – С. 36.

²⁰³ См.: Мануйлов В. А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий. – Л., 1975. – С. 206-208.

²⁰⁴ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. – Т. 4. – С. 81.

²⁰⁵ «Он ... оделся по-черкесски, вооружился...» (Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 6. – С. 232).

²⁰⁶ Миллер О. В. Английский исследователь о романе М. Ю. Лермонтова // Русская литература. – 1980. – № 4. – С. 206.

²⁰⁷ Лермонтовская энциклопедия. – С. 24.

²⁰⁸ Дурьлин С. Н. На путях к реализму // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник первый. – М., 1941. – С. 241-242.

²⁰⁹ Зиссерман А. Л. 25 лет на Кавказе. – Ч. 2. – С. 382; Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель. – Ч. 3. – СПб., 1835. – С. 109-110. Ср.: Арнольди М. О. Боевое снаряжение Кубанского казачьего войска. – СПб., 1890. – С. 13.

носил черкесскую одежду с такой же аристократической изысканностью, как и фрак или военный мундир.

«Я долго изучал горскую посадку: ничем нельзя так польстить моему самолюбию, – признавался Печорин, – как признавая мое искусство в верховой езде на кавказский лад»²¹⁰. Один из его коней черкесской породы носит имя Черкес. Точно так же звали и серого скакуна самого Лермонтова, купленного тотчас по приезду в Пятигорск (1841 г.)²¹¹. В описи вещей Лермонтова значится «Седло Черкесское простое с прибором» (№ 99)²¹².

Линейные казаки, по словам современников, успешно соперничали с горцами в искусстве верховой езды²¹³. «Мчится он (казак – М. Н.) обыкновенно пригнувшись к шее лошади, на которой сидит так же свободно и покойно, как бы сидел на мягком диване»²¹⁴, – восхищался А. П. Беляев. Армейские офицеры, как мы видим на примере Печорина (и самого Лермонтова – великолепного всадника)²¹⁵, с таким же успехом конкурировали с казаками.

И. Березин, путешественник по Кавказу начала 1830-х гг., описывал свои впечатления от встречи с офицером в горском костюме. «Не правда-ли, вы ожидаете от меня громких фраз, неистового изумления, вы уже приготовлены к сцене первой встречи с Черкесом?.. И точно: удивление мое чуть не превратилось в столбняк, только совсем от другой причины. Отчаянный наездник, безукоризненный Горец заговорил самым чистым велико-русским наречием: это был русский офицер, по каким-то делам приехавший из соседнего отряда. Кто же знал, что русские офицеры умеют маскироваться Горцами и притом так искусно, что “путешественник по Востоку” может принять их за чистых Черкесов?»²¹⁶ Разумеется, офицер старался передо мною, как перед новичком, показать всю роскошь своего горского костюма, все удобства черкесского облачения, но я, профан, никак не мог взять на первый раз в толк, отчего чевяки, башмаки без толстой подошвы и каблуков, лучше наших сапогов, почему шашка рубит сильнее, чем сабля, отчего седло с деревянными уключинами спереди и сзади удобнее чисто кожаного, какое преимущество имеют широкие неуклюжие стремяна Горцев перед нашими, и многое другое, чем офицер так гордился. Мне казался странным русский человек в черкесском наряде, и я пятился от него, будто от иноземца, между тем как офицеры Низового укрепления с восторгом созерцали его драгоценный кинжал и его бесценную шашку»²¹⁷.

В лермонтовском очерке «Кавказец» (1841 г.)²¹⁸ был выведен обобщенный типаж такого кавказского офицера, «представителя определенного социального разряда людей»²¹⁹, обрисован с натуры его быт, а также представлена психологическая эволюция этого «чернорабочего войны». «Кавказец есть существо полурусское, полуазиатское», – писал Лермонтов. «Он легонько маракует по-татарски; у него завелась шашка, настоящая *гурда*; кинжал – старый *базалай*»²²⁰, пистолет закубанской

²¹⁰ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 6. – С. 296.

²¹¹ Мартыанов П. К. Дела и люди века. – Т. II. – С. 44.

²¹² Дуэль Лермонтова с Мартыновым: (По материалам следствия и военно-судного дела 1841 г.). – М., 1992. – С. 35. Офицеру полагались форменные седло и чепрак на лошадь, но сомнительно, чтобы эти две вещи реально использовались на Кавказе в предпочтении черкесской седловке.

²¹³ Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик, 2004. – С. 237. Прим. 1; Фелицын Е. Д., Щербина Ф. А. Кубанское казачье войско. – Краснодар, 1996. – С. 194; Филин М. Д. Люди императорской России: (Из архивных разысканий). – М., 2000. – С. 190-191.

²¹⁴ Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. – Красноярск, 1990. – С. 268.

²¹⁵ «...Все товарищи его, кавалеристы, знатоки верховой езды, признавали и высоко ценили в нем ... качества бесстрашного, лихого и неутомимого ездока-джигита», – передавал В. И. Чилаев (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 329). См. об образе коня в творчестве Лермонтова: Найдич Э. Этюды о Лермонтове. – СПб., 1994. – С. 199-207. О верховых прогулках Лермонтова см.: Маркелов Н. Кавказскими маршрутами поэта // Ставрополье. – 1979. – № 3. – С. 60.

²¹⁶ Ср.: «...Один из моих спутников остановился перед окном в полном черкесском одеянии. Синий кафтан был надет сверх желтого архалука из шелковой материи, ременной кушак перетягивал стройную талию, за пояс были заткнуты пистолет и кинжал в серебряной оправе, ружье висело за спиной, и белая косматая шапка на черных волосах дополняла одежду моего спутника и так согласовывалась с его выразительным грузинским лицом, что **трудно было узнать в нем русского офицера** (выделено нами – М. Н.)» (Ган Е. Воспоминания Железноводска // Ставропольский хронограф на 2004 год. – Ставрополь, 2004. – С. 324).

²¹⁷ Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. – Ч. I. – Казань, 1850. – С. 58. См.: Виноградов А. В., Виноградов В. Б. «Настоящий кавказец» и его прототипы // Вопросы северокавказской истории. – Вып. 2. – Армавир, 1997. – С. 55-56.

²¹⁸ Лермонтов М. Ю. Кавказец // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 5 т. – Т. 5. – М.; Л., 1937. – С. 322-325.

²¹⁹ Удодов Б. Т. М. Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. – Воронеж, 1973. – С. 625, 630 («предельно обобщенный социальный тип кавказского армейского офицера»).

²²⁰ «Это название, – писал Г. Н. Прозрителев, – явилось синонимом хорошего кинжала» (Сабля рая. – С. 3). Кинжалы эти «так редки, что немногим удавалось даже видеть их (так настоящий ли кинжал Базалай был у героя Лермонтова? – М. Н.), и

отделки, отличная крымская винтовка, которую он сам смазывает; лошадь – чистый *Шаллох*²²¹ и весь костюм черкесский, который надевается только в важных случаях и шит ему в подарок какой-нибудь дикой княгиней. Страсть его ко всему черкесскому доходит до невероятия. Он готов целый день толковать с грязным узденем о дрянной лошади и ржавой винтовке и очень любит посвящать других в таинства азиатских обычаев»²²².

Следует уточнить, что Лермонтов имел в виду под «гурдой» клинок шашки с клеймом гурда, редкое и дорогое, но качественное («настоящая гурда: приложи лезвием к руке, сама в тело вопьется») оружие²²³. Столь же характерны были для горца крымское ружье и пистолет²²⁴.

Истинному кавказцу, продолжал Лермонтов, присуще было «сильное предубеждение против шинели в пользу бурки²²⁵; бурка его тога, он в нее драпируется; дождь льет за воротник, ветер ее раздувает – ничего! бурка, прославленная Пушкиным, Марлинским²²⁶ и портретом Ермолова²²⁷, не сходит с его плеча, он спит на ней и покрывает ею лошадь; он пускается на разные хитрости и пронырства, чтобы достать настоящую Андийскую бурку, особенно белую с черной каймой внизу, и тогда уже смотрит на других с некоторым презрением».

Отметим, что мастера дагестанского аула Анди славились своим ремеслом «по всему Кавказу за лучшие». Белые и светлые бурки делали они, как правило, штучно – для знатных заказчиков. «Андийские бурки были легкими, служили отличной защитой от холода и непогоды, выдерживали сабельные удары и даже защищали от пуль». Учитывая, что «казаки и русские офицеры на Кавказе ... отдают предпочтение бурке», андийские изделия пользовались большим спросом – тем более что после 1839 г. прежние торговые связи андийцев с русскими были прерваны Шамилем. Цена таких бурок достигала 25 и даже 40 руб. серебром²²⁸.

Пресловутая бурка, по словам Э. Г. Герштейн, «несет в лермонтовском описании особые художественные функции. Она неудобна, но играет роль **фетиша** (выделено нами – М. Н.) для кавказца по той же причине, по какой он “говорит кому угодно, что на Кавказе служба очень приятна”, “хотя порой служба ему очень тяжела”²²⁹. По тем же мотивам он упрямо читает Марлинского и “говорит, что это очень хорошо”, но “в экспедиции больше не напрашивается”»²³⁰.

большинству они известны были только понаслышке» (Потто В. А. Кавказская война. – Т. 4. – Ставрополь, 1994. – С. 549). См.: Березин И. Указ. соч. – С. 102 (хороший базалаевский кинжал стоил около 10 руб. серебром); Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ. – С. 43-44. Чеченские авторы полагают, что делали их мастер Муртаз-Али, или «Базалай», и его сын Чилли, из селения Старый Юрт/Дайкур-аул. В действительности, речь идет о двух дагестанских оружейниках – Базалай-отец и его сын, «живший сначала в Тарху вместе с Шамхалом, а ныне переселившийся в Казанища, но работа его далеко уступает отцовским произведениям в крепости и чистоте отделки» (И. Березин). О Базалае-дагестанце см. также в очерке А.А. Бестужева-Марлинского «Мулла-Нур»: Полное собрание сочинений А. Марлинского. – Ч. XII. – СПб., 1839. – С. 288.

²²¹ Шаллох – питомец конного завода узденей Малой Кабарды Шолоховых. Эти лошади примечательны «по особому образованию копыт, целых, без заднего разреза». См.: Забудский. Обзорение Кавказского края по северную сторону главного хребта в историческом, топографическом и статистическом описаниях. Ч. II. Ставрополь, 1914 // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. – Вып. VIII. 1915. – Ставрополь, 1916. – С. 78; Романовский Д. Кавказ и Кавказская война: Публ. лекции, прочит. в зале Пассажа в 1860 г. Ген. штаба полковником Романовским. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Ист. очерк Кавказ.-гор. войны в Закубан. крае и Черномор. побережье. – М., 2004. – С. 113. Кабардинские лошади славились по всему Кавказу; кроме Шаллоха, Лермонтов упоминает породы Трам и Лоов.

²²² Лермонтов М. Ю. Кавказец. – С. 323.

²²³ Подробнее см.: Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. – М., 1995. – С. 31; Асхабов И. Чеченское оружие. – М., 2001. – С. 63-73; Костенецкий Я. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. – СПб., 1851. – С. 80; Русские на Кавказе. Эпоха Ермолова и Паскевича. – СПб., 2004. – С. 307; Фролов Б. Е. Европейское холодное оружие в Кавказском линейном казачьем войске // Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы академика В. Б. Виноградова (1964-1994). – Ч. 2. – Армавир, 1994. – С. 39.

²²⁴ О крымских ружьях на Кавказе см.: Аствацатурян Э. Г. Указ. соч. – С. 42-44; Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени / Предисловие В. А. Мануйлова; комментарии В. А. Мануйлова и О. В. Миллер. – СПб., 1996. – С. 276-277.

²²⁵ Довольно странно, что в описи вещей гардероба Лермонтова бурка не упоминается.

²²⁶ Ср.: Левкович Я. Л. К цензурной истории сочинений А. А. Бестужева // Литературное наследие декабристов. – Л., 1975. – С. 295-296.

²²⁷ Маркелов Н. В. Пушкин и Северный Кавказ. – М., 2004. – С. 131-132.

²²⁸ Джахияева Э. Г. Из истории экономической интеграции народов Северо-Восточного Кавказа во второй половине XVIII – первой трети XIX в. // Вопросы Северокавказской истории. – Вып. 9. – Армавир, 2004. – С. 36-37; Загорский Ив. Восемь месяцев в плену у горцев // Кавказский сборник. – Т. XIX. – Тифлис, 1898. – С. 229; Казиев Ш. М., Карпеев И. В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М., 2003. – С. 239; Неверовский. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. – СПб., 1847. – Паг. 1-я. – С. 44-46.

²²⁹ См. реакцию современников, поклонников творчества А. А. Бестужева-Марлинского, на реалии службы на Кавказе (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. – Т. 2. – С. 172-173, 380-381) и перемену отношения А. С. Пушкина,

Тем не менее, соглашаясь с определенной ритуализацией образа бурки у Лермонтова, уточним, что в корне неверно называть данный предмет «неудобным». То, что дождь льет за воротник, ничего не говорит о бесполезности вещи – герой автора всего лишь забыл надеть вместе с буркой еще и башлык, каковым горцы надежно укутывали голову и шею в непогоду²³¹. Сама же бурка на протяжении военных действий всегда служила «непроницаемой и теплою защитой от дождя и холода»²³² (и не только на Кавказе). Далее, в горах она заменяла походную постель и одновременно одеяло офицерам, ночевавшим на земле²³³, спасая их от холода и сырости, и выражения «прилег на бурке»²³⁴ или «разостлали свои бурки»²³⁵ вошли в летописи Кавказской войны. Более того, в столкновении бурка могла ослабить и удар шашки²³⁶, а во время сна запах бараньей шерсти отгонял от владельца бурки змей, распространенных на Кавказе²³⁷.

«Художественной деталью, вобравшей в себя это стойкое исповедание уже обманувшего символа веры, – продолжала Э. Г. Герштейн, – и является его подчеркнутая кавказская одежда...»²³⁸. Но главный вывод автора, о том, что во всем «виноваты были политический режим и система воспитания, проводимые Николаем I», безусловно, не соответствует исторической действительности. Повторяем, что есть более простое объяснение неудобствам бурки – «кавказец» всего лишь забыл или не захотел (мода, желание щегольнуть?) присоединить к ней капюшон-башлык, который и закрывал голову и шею от дождя.

В целом, изучая текст «Кавказца», создается впечатление, что у Лермонтова, как и многих его современников, чрезмерное увлечение местными обычаями и стремление русских кавказцев стать «восточнее» самих горцев подчас вызывало оправданные насмешки и иронию.

В «Герое нашего времени» отношение к подобной моде высказано еще нейтрально²³⁹. Так, Печорин говорит, что «в черкесском костюме верхом я больше [вариант: «совершенно»]²⁴⁰ похож на кабардинца, чем многие кабардинцы»²⁴¹. Но в «Кавказце» уже налицо сарказм и скепсис по отношению к «азиатским» обычаям среди офицеров²⁴². «Весь очерк выдержан в сатирическом духе», – отмечал Л. П. Семенов²⁴³. Другие исследователи также признают, что для очерка «характерно слегка ироническое, окрашенное легким юмором отношение к изображаемым человеческим “особям” и “видам”»²⁴⁴. Здесь Лермонтов «иронизирует»²⁴⁵, пишет «с мягкой иронией, а подчас и с сарказмом»²⁴⁶. «В деле разрушения кавказской романтики»²⁴⁷ поэт воспользовался страшным орудием «современной образованности» – иронией²⁴⁸. По словам Л. Келли, «эта эпитафия, проникнутая иронией, была явной

столкнувшегося с результатами политики А. П. Ермолова, к его личности и деятельности (Виноградов В. Б. Пушкинская Кубань (историко-литературоведческие этюды). – Армавир, 1999. – С. 38-49; Виноградов В., Шейха А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (вторая половина XVIII – первая треть XIX). Полемиические этюды. – Армавир; Гр., 1996. – С. 50-51).

²³⁰ Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова [1-е изд.] – М., 1964. – С. 358; [2-е изд.] – С. 204.

²³¹ Бларамберг И. Указ. соч. – С. 45, 97, 245; Гакстгаузен Ф., фон. Закавказский край. – Ч. I. – СПб., 1857. – С. 15; Хан-Гирей. Указ. соч. – С. 241; *Hommaire de Hell. Situation des Russes dans le Caucase // Revue de l'Orient.* – 1844. – Т. 4. – Р. 158.

²³² Нечаев С. Д. Отрывки из путевых заметок о Юго-Восточной России // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Т. 1. – Нальчик, 2001. – С. 103.

²³³ Бриммер Э. В. Указ. соч. // Кавказский сборник. – Т. XVI. – С. 135; Воспоминания князя Эмилия Витгенштейна // Русская старина. – 1900. – № 3. – С. 678; Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М., 2000. – С. 43.

²³⁴ Цит. по: Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ. – С. 81.

²³⁵ Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом 1805-1850. – СПб., 1882. – С. 419.

²³⁶ Корганов А. С. История 45-го драгунского Северского Его Величества Короля Датского полка. – Тифлис, 1884. – С. 13.

²³⁷ Грозова И. Дневник офицера // Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. – СПб., 2000. – С. 399.

²³⁸ Герштейн Э. Г. Указ. соч. – [1-е изд.] – С. 358; [2-е изд.] – С. 204-205.

²³⁹ Возможно даже (исходя из упоминания «благородной боевой одежды») Печорин гордится ею (Салчинкина А. Р. Кавказская война 1817-1864 гг. и психология комбатантства: Дис. ... канд. ист. наук (рукопись). – Краснодар, 2005. – С. 56).

²⁴⁰ Аналогичный оборот использует А. В. Дружинин, описывая своего героя, А. А. Оленинского: «...Молодой человек лет двадцати-трех, по одежде, посадке и вооружению совершенно похожий на кабардинца» (Дружинин А. В. Собр. соч. – Т. 2. – С. 5).

²⁴¹ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 6. – С. 295-296, 507.

²⁴² Он же. Кавказец. – С. 322-325.

²⁴³ Семенов Л. П. Лермонтов на Кавказе. – Пятигорск, 1939. – С. 149.

²⁴⁴ Удодов Б. Т. Указ. соч. – С. 630.

²⁴⁵ Вырыпаев П. А. Лермонтов. Новые материалы к биографии. – Воронеж, 1972. – С. 207-208.

²⁴⁶ Жданов Ю. А. Нерасторжимые звенья. – Ростов н/Д., 1984. – С. 154.

²⁴⁷ Эйхенбаум Б. М. Л. Толстой на Кавказе (1851-1853) // Русская литература. – 1962. – № 4. – С. 55.

²⁴⁸ Гинзбург Л. Творческий путь Лермонтова. – Л., 1940. – С. 164.

насмешкой над тщетной доблестью воина»²⁴⁹. Образ героя «Кавказца», указывал Н. Г. Охотин, «снижен у Лермонтова еще больше, чем в очерке» В. В. Львова «Армейский офицер» (вышел в той же серии, «Наши, списанные с натуры русскими», 1842 г.), породившем «обвинения в злостной карикатурности». Но «сатира не характеристика, и карикатура не тип», – писал об очерке Львова рецензент «Русского вестника»²⁵⁰.

Не находим подтверждения гипотезе, высказанной П. А. Вырыпаевым²⁵¹, что прототипом «кавказца», будто бы описанного «с большим сочувствием к его трудной доле», стал П. П. Шан-Гирей. До прославления и опального генерала (А. П. Ермолова), и офицеров его закалки в этом очерке очень далеко²⁵². Не забудем, что Лермонтов оставался гвардейским офицером²⁵³, всегда с иронией²⁵⁴ и чувством превосходства²⁵⁵ взиравшим на «пехотного армейского офицера»/«кавказского армейца»²⁵⁶, да еще и «в весьма не щеголеватой армейской форме»²⁵⁷, даже когда в таковой роли он очутился сам²⁵⁸.

Безусловно, сам поэт не пренебрегал на Кавказе удобством горского костюма, адаптируясь к местным условиям – свидетельств тому немало. Так, например, 12 июля, вспоминал А. И. Арнольди, «Лермонтов подъезжал верхом на сером коне в черкесском костюме»²⁵⁹. Но к болезненной, доходящей «до невероятия» страсти «кавказцев» перенимать все и вся у горцев, Лермонтов относился отнюдь не положительно, с оттенком сарказма. «Нужно сказать, – подтверждал Н. А. Кузминский²⁶⁰, – что Лермонтов всегда посмеивался над теми из русских, которые старались подражать во всем кавказцам: брили себе головы, носили их костюмы, перенимали ухватки; последних в насмешку называл он *l'armee russe* («русская армия» – М. Н.)».

И именно в лице Н. С. Мартынова²⁶¹ перед Лермонтовым явилась наивысшая степень подмеченного им²⁶² явления, живая пародия на него. Вот почему внешний вид Мартынова в его «смешном костюме» (выражение полковника А. С. Траскина)²⁶³, который «утрировал вкусы горцев»,

²⁴⁹ Келли Л. Лермонтов. – С. 152, 153.

²⁵⁰ Наши, списанные с натуры русскими: Прил. к факсим. изд. – М., 1986. – С. 28, 79.

²⁵¹ Вырыпаев П. А. Указ. соч. – С. 204-209; [2-е изд.] Саратов, 1976. – С. 145-148; Он же. Один из возможных прототипов «Кавказца» // Русская литература. – 1964. – № 3. – С. 59; Лермонтовская энциклопедия. – С. 451, 618. – С этой гипотезой соглашался и В. А. Мануйлов, полагавший, что «в собирательном образе Максима Максими́ча и в очерке «Кавказец» немало общего с личностью и судьбой П. П. Шан-Гирея» (Вырыпаев П. А. Лермонтов. – С. 13).

²⁵² Ср.: Герштейн Э. Г. Указ. соч. – [1-е изд.] – С. 354-365; [2-е изд.] – С. 202-208; Кавказцы. (О малоизвестном очерке М. Ю. Лермонтова «Кавказец»). – С. 132. Ряд исследователей придерживаются обратного мнения. См.: Андроников И. Л. Лермонтов. – М., 1951. – С. 277-280; Бескровная Е. А. Познание Кавказа: строки из писем А. А. Бестужева-Марлинского // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Краснодар; Армавир, 2004. – С. 62; Виноградов А. В., Виноградов В. Б. Дань лермонтовской судьбе (историко-литературоведческие этюды). – Армавир, 2004. – С. 14-19; Виноградов В. Б., Гусева Н. А. Ф. Ф. Торнау (Торнов) – офицер-кавказовед, выразитель идей «РОССИЙСКОСТИ» // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. – Ч. 1. – Армавир, 2003. – С. 24. Ср.: Клычников Ю. Ю., Клычникова М. В. Северный Кавказ в русской литературе в конце XVIII – первой половине XIX вв. // История и культура народов Северного Кавказа. – Вып. I. – Пятигорск, 2005. – С. 32-33.

²⁵³ «...Понаедут к нам целые легионы “гвардионцев”... шестьдесят наград отнимутся у наших многотерпцев-строевиков, для украшения этих “украшителей” модных салонов» (Ливенцов М. Указ. соч. // Русское обозрение. – 1894. – № 8. – С. 698). Своего рода антиреакцией на такое отношение кавказских ветеранов к столичным офицерам стал «Кавказец».

²⁵⁴ Махлевич Я. Л. Мезонин у Нарзана. – Ставрополь, 1983. – С. 43.

²⁵⁵ Дневник поездки по России в 1841 году // Ставропольский хронограф на 1997 год. – Ставрополь, 1997. – С. 242.

²⁵⁶ Левина И. Н. Печорин: попытка самоопределения (некоторые особенности номинации в романе М. Ю. Лермонтова) // М. Ю. Лермонтов. Проблемы изучения и преподавания. – Ставрополь, 1996. – С. 132; Семенов Л. П. Указ. соч. – С. 110.

²⁵⁷ Щеголев П. Е. Указ. соч. – С. 368. Язвительный словесный рисунок «армейского пехотного мундира» Лермонтов оставил в своем романе. См.: Шанский Н. М. Читая и перечитывая Лермонтова // Русский язык в школе. – 1984. – № 4. – С. 70-71. Мода на ношение эполет «в виде крылышек амура», т.е. выгнутых вверх, получила распространение уже при Александре I (Таланов А. Кавалергарды 1801-1825 (Библиотека ВИК-12). – М., 1988. – С. 13).

²⁵⁸ Ср.: Файбисович В. Номер на пуговице: Формулярный список литературного героя // Родина. – 2000. – № 11. – С. 82, 86.

²⁵⁹ Лермонтов М. Ю. в воспоминаниях современников. – С. 273.

²⁶⁰ Цит. по: Герштейн Э. Г. Указ. соч. – [1-е изд.] – С. 361 (Кузьминский); [2-е изд.] – С. 207 (Кузминский). См. также: Чекалин С. В. Под солнцем юга: Кавказские войны в лицах. – М., 2002. – С. 107.

²⁶¹ Герштейн Э. Г. Указ. соч. [2-е изд.] – С. 269-270; М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 337, 346, 351, 363, 533; Михайлова А. Новонайденное письмо о дуэли и смерти Лермонтова // Литературное наследство. – Т. 58. – М., 1952. – С. 489; Павлов Д. М. Дуэль Лермонтова // Лермонтовский текст. – С. 220-221. Мартынов носил не форму Гребенского полка, как считается (Очман А. В. Новый Парнас. Русские писатели Золотого и Серебряного века на Кавказских Минеральных Водах. – Пятигорск, 2002. – С. 206), а вседневный казачий (= горский) костюм.

²⁶² Причем совсем недавно – «Кавказец» предположительно был закончен в начале 1841 г.

²⁶³ Вацура В. Э. Новые материалы о дуэли и смерти Лермонтова (письмо А. С. Траскина к П. Х. Граббе) // Русская литература. – 1974. – № 1. – С. 117.

необычайно раздражал поэта. Иронизируя над Мартыновым, Михаил Юрьевич высмеивал не только лично его, но и всю *l'armee russe*, «полуазиатских, полурусских существ».

Еще один пятигорский знакомый Лермонтова, подпоручик Кабардинского егерского полка Н. П. Раевский, тоже носил черкеску и бешмет²⁶⁴. Однако, именно он и прозвал Мартынова²⁶⁵ истым денди «на черкесский манер». Это доказывает, что офицер, носящий черкесский костюм, и офицер – «настоящий кавказец» не одно и то же на Кавказе. Николай Павлович справедливо замечал, что «есть в этом (офицерском – *М. Н.*) сословии (люди) намного более настоящие, чем те, кого слишком вульгарно награждают этим эпитетом. Кавказский корпус, конечно, включает их множество – что признают слишком редко, чтобы понять их...» (июнь 1840 г.)²⁶⁶.

В подтверждение этой мысли сошлемся на очерк «Кавказец», где страсть героя – армейского офицера ОКК – «ко всему черкесскому доходит до невероятия». Эта тяга к горским нравам и обычаям, по словам автора, и делает героя «настоящим кавказцем»²⁶⁷. Здесь Лермонтов сразу же проводит границу между характером штабс-капитана Максима Максимыча (из «Героя нашего времени») и собственно «настоящего кавказца»²⁶⁸. Первый хорошо знает нравы и обычаи горцев, поддерживает с ними деловые и торговые отношения. Но Максим Максимыч никому не подражает и остается самим собой – простым, но в то же время здравомыслящим, душевным и благородным русским офицером²⁶⁹. «Это тип чисто русский...», – справедливо признавал В. Г. Белинский²⁷⁰. И, продолжая его мысль, добавим – в чем-то тот же тип офицера, который изображен в профиль на паленовском портрете (ср. слова А. А. Блока). В то же время у недалекого и малообразованного «настоящего кавказца» подражание всему черкесскому укладу носит поверхностный характер. Максим Максимыч и «кавказец», по справедливому выражению Э. Э. Найдича, «два человека, отличающиеся друг от друга разной степенью отсталости, характерами и отношением автора»²⁷¹. Эти различия проходят через весь очерк.

И в этом ироническом отношении к «татаромании» «настоящих кавказцев» Лермонтов был не одинок. Выше приводилась реакция «заезжего» из России И. Березина на подобное слияние «черкесского с нижегородским». До нас дошел один из вариантов карикатур на «существо полурусское, полуазиатское» – шарж на гвардейского драгунского поручика князя П. А. Урусова, исполненный, вероятно, Д. П. Паленом (1841 г.). Накинутая на плечи короткая бурка, кинжал, два пистолета и шашка

²⁶⁴ Чекалин С. В. Лермонтов. Знакомься с биографией поэта... – М., 1991. – С. 112.

²⁶⁵ А. П. Смольянинов приводил сомнительный, но характерный факт о внешнем облике отставного майора: «Мартынов носил на себе бурку и имел пистолет» (Мануйлов В. Отклик современника на смерть Лермонтова // Литературное наследство. – Т. 45-46. – С. 724).

²⁶⁶ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 7. – С. 215-216 (пер. с фр.).

²⁶⁷ Ср.: Матвеев О. В., Фролов Б. Е. Униформология и оружиеведение в кавказском контексте: Отдельный Кавказский корпус (1801-1857) // Историческое регионоведение – вузу и школе. – Славянск-на-Кубани, 1997. – С. 54-55.

²⁶⁸ См. обзор мнений по проблеме: Удодов Б. Т. Указ. соч. – С. 626-628. К большому нашему сожалению, статья Б. С. и В. Б. Виноградовых («Кавказец» М. Ю. Лермонтова // Изв. Чечено-Ингуш. научно-исследоват. ин-та истории, языка и лит.-ры. – Т. 5. – Вып. 3. – Гр., 1968. – С. 61-72) осталась нам недоступной. Ряд исследователей сближает или отождествляет образ «настоящего кавказца» из очерка Лермонтова с фигурой Максима Максимыча. См.: Ашхотов Б. Г. М. Лермонтов и Кавказ // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России: Материалы межрегиональной научной конференции (10-11 апреля 1998 г.) – Ч. 1. – Ставрополь, 1998. – С. 25; Дурьлин С. Н. «Герой нашего времени». – М., 1939. – С. 112 (цит. по: Цейтлин А. Г. Становление реализма в русской литературе. – М., 1965. – С. 27); Кулешов В. И. Натуральная школа в русской литературе XIX века. – М., 1982. – С. 92; Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени / Предисловие В. А. Мануйлова; комментарии В. А. Мануйлова и О. В. Миллер. – С. 37-38, 253-254; Лермонтов М. Ю. Проза и письма: Комментарии и варианты / Комментар. Б. М. Эйхенбаума, В. А. Мануйлова // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 5 т. – Т. 5. – С. 488, 492; Лермонтовская энциклопедия. – С. 213; Мануйлов В. А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». – С. 45-46, 128-129; Развитие реализма в русской литературе. – Т. 1. – М., 1972. – С. 209; Удодов Б. Т. Указ. соч. – С. 628-629. Тем не менее, некоторые авторы (Цейтлин А. Г. Указ. соч. – С. 27-29) признают значительные отличия портретов в «Кавказце» и «Герое нашего времени».

²⁶⁹ «...Познакомьтесь с ним получше, – и вы увидите, какое теплое, благородное, даже нежное сердце бьется в железной груди этого по-видимому очерствевшего человека; вы увидите, как он каким-то инстинктом понимает всё человеческое и принимает в нем горячее участие..., – и вы от души полюбите простого, доброго, грубого в своих манерах, лаконического в словах Максима Максимыча. ...Этот добрый простак, который и не подозревает, как глубока и богата его натура, как высок и благороден он» (Белинский В. Г. М. Ю. Лермонтов: Статьи и рецензии. – Л., 1941. – С. 43, 61). Ср.: Григорьян К. Н. Лермонтов и его роман «Герой нашего времени». – Л., 1975. – С. 252-253; Удодов Б. Т. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». – М., 1989. – С. 126-127, 130-132.

²⁷⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – Т. 4. – М., 1954. – С. 205.

²⁷¹ Найдич Э. Э. Очерк Лермонтова «Кавказец» в свете полемики вокруг «Героя нашего времени» // Русская литература. – 2001. – № 4. – С. 146.

курьезно сочетались со «вздернутым славянским носом Урусова, его бородой, подстриженной “*a la мужик*”, и простой армейской фуражкой»²⁷².

Еще раньше А. И. Полежаев в поэме «Эрпели» (1832 г.) тоже несколько скептически отзывался об офицерах «в доспехах горских», которые, смешавшись с мирными туземцами на марше, «заводят речи – на словах/ И пантомимой – о конях,/ Кинжалах, шашках...»²⁷³.

П. А. Ильин вспоминал о некоем поручике Трубаевском (1843 г.), который «выучился на Кавказе кумыкскому языку, изучил посадку горцев на лошади, одевался в черкеску, **красил усы и ногти** (выделено нами – М. Н.) хиной (хной – М. Н.) и вполне походил на горца». Сей эксцентричный субъект ездил на чеченском коне, вооруженный кинжалом, шашкой, пистолетом и с двустволкой за плечом²⁷⁴.

Другой современник полагал, что «снисходительный взгляд начальства на форму одежды офицерства устранял всякое стеснение в этом отношении, и при встрече на улице иного офицера трудно было отличить от чеченца или духанщика». (А. В. Дружинин ехидно отмечал, что в Пятигорске «черкесски с патронами вижу я у одних ямщиков»²⁷⁵). Далее В. А. Полторацкий приводил ироничную зарисовку облика прапорщика Куринского егерского полка А. В. Пистолькорса, который «бросился в татароманию, т. е. свел куначество с мирными чеченцами, перенял от них одежду, посадку на коне, джигитовку и все прочие приемы». После чего «облачился с ног до головы в военные доспехи горского туалета, навесил на себя весь комплект азиатского оружия и, воссев на карего кабардинца, натянул поводья, дал плеть и, пронзительно гикнув по-чеченски, окончательно обрек себя в непобедимые джигиты»²⁷⁶.

Именно Пистолькорс (офицер храбрый и талантливый, но склонный к «татаромании») был изображен в «Набеге» (1852 г.) Л. Н. Толстого под именем поручика Розенкранца²⁷⁷. «На нем были черный бешмет с галунами, такие же ноговицы, новые, плотно обтягивающие ногу чувяки с чиразами (галунами – М. Н.), желтая черкеска и высокая, заломленная назад папаха. На груди и спине его лежали серебряные галуны, на которых надеты были натруска и пистолет за спиной; другой пистолет и кинжал в серебряной оправе висели на поясе. Сверх всего этого была опоясана шашка в красных сафьянных ножнах с галунами и надета через плечо винтовка в черном чехле. По его одежде, посадке, манере держаться и вообще по всем движениям заметно было, что он старается быть похожим на татарина (горца-мусульманина – М. Н.)»²⁷⁸.

«Капитан (поручик – М. Н.) Розенкранц, – замечал французский журналист А. И. Делава, – в особенности курьезный тип: это один из тех военных, которых множество в русской армии, воспитанных на романах Лермонтова и Марлинского, оставаясь ложным характером, но в остальном отважным и предприимчивым»²⁷⁹. Карикатурно-театральное воплощение русско-немецкого удалца-джигита опознали в рассказе Толстого и многие современники. Об этом рассказал А. Л. Зиссерман: «В его *Набеге*, выведен поручик Розенкранц; до какой степени изображение верно, можно судить по тому, что, когда я в первый раз в Чечне выступил с отрядом и увидел штабс-капитана Пистолькорса, разъезжающего в шикарном черкесском костюме, со всеми ухватками чистокровного джигита, я не мог не подумать: да это Розенкранц, как есть, на чистоту, без прикрас. И некоторые из грозненских старожиллов просто мне даже объявили, что Розенкранц Толстого и есть он, Пистолькорс; что с него-то портрет и писан. **А таких Пистолькорсов было не мало** (выделено нами – М. Н.), и увлекались некоторые до того, что готовы были чуть не перейти в мусульманство и совсем очечениться...»²⁸⁰.

²⁷² Корнилова А. В. Кавказское окружение Лермонтова. – С. 388-390. Сходно описывал облик Мартынова К. Любомирский (Лермонтов М. Ю. в воспоминаниях современников. – С. 463).

²⁷³ Полежаев А. И. Сочинения. – М., 1988. – С. 205, 218.

²⁷⁴ Ильин П. А. Из событий на Кавказе. Набег Шамиля в 1843 году // Русский вестник. – 1872. – Т. 100. – № 7. – С. 271-273, 274.

²⁷⁵ Дружинин А. В. Собр. соч. – Т. 2. – С. 207.

²⁷⁶ Воспоминания В. А. Полторацкого // Исторический вестник. – 1893. – № 2. – С. 380-381.

²⁷⁷ Блиева З. М. Российские военные и гражданские чиновники на Кавказе. XIX век. – Владикавказ, 2003. – С. 155-156; Виноградов Б. С. Кавказ в творчестве Л. Н. Толстого. – Гр., 1959. – С. 54; Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. – Т. 21. – М., 1985. – С. 105, 529. Прим. 31.

²⁷⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. – Т. 2. – С. 12-13.

²⁷⁹ Delaveau H. La litterature et la vie militaire en Russie. 1812. – Le Caucase. – La Crimee // Revue des Deux-Mondes. – 1856. – Т. 4. – Р. 787.

²⁸⁰ Зиссерман А. Л. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 327.

Как и Лермонтов, граф Толстой носил на Кавказе черкеску (черную), которая ему очень шла, и регулярно упражнялся в езде и джигитовке²⁸¹. Но «настоящим кавказцем» он не был и не мог стать. В своих рассказах Толстой иронизировал над теми, кто принимал позу героев произведений А. А. Бестужева-Марлинского²⁸². На Розенкранце разрядился иронический заряд авторской мысли о поклонниках Кавказа, сформировавшихся по книжным и изустным, дурно понятым и перетолкованным легендам²⁸³. Поручика Толстой характеризовал как одного «из наших молодых офицеров, удалцов-джигитов, образовавшихся по Марлинскому и Лермонтову²⁸⁴. Эти люди смотрят на Кавказ не иначе, как сквозь призму Героев нашего времени, Мулла-Нуров и т. п., и во всех своих действиях руководствуются не собственными наклонностями, а примером этих образцов. ... Он никогда не снимал с себя ... кинжала сверх рубашки, с которым он даже спать ложился». Розенкранц, по словам автора, считал «своей неременной обязанностью» «казаться тем, чем он хотел быть» – настоящим горцем²⁸⁵. Но «...всякий узнал бы в нем русского, а не джигита. Все было так, да не так»²⁸⁶.

Нельзя согласиться с высказываемым некоторыми исследователями мнением о том, что «страсть его ко всему кавказскому» спасала «настоящего кавказца» от «превращения в ... военную машину для реализации имперских планов»²⁸⁷. Напротив, данный очерк посвящен именно службисту на Кавказе²⁸⁸, будь он чиновником или военным. Как указывает Лермонтов, сам «настоящий кавказец» – лишь ложное подражание всему восточному, «существо полурусское, полуазиатское; наклонность к обычаям восточным берет над ним перевес»²⁸⁹.

2. **Сафьяновые чувяки** черкесской работы, темно-красного цвета с серебряными позументами. Чувяки – горская обувь, мягкие сафьянные башмаки (туфли) без подошвы. «Они шьются обыкновенно несколько меньше ноги, при надевании размачиваются в воде, натираются внутри мылом и натягиваются на ноги подобно перчаткам, – описывал черкесские обычаи Ф. Ф. Торнау. – После того надевший новые чувяки должен лежать выждать, пока они, высохнув, примут форму ноги. Под чувяками впоследствии подшивается самая легкая и мягкая подошва»²⁹⁰. Сам Торнау, тогда егерский подпоручик, износив в кампании 1832 г. сапоги, заменял их осетинскими чевьяками, указав на их преимущества при ходьбе в горах²⁹¹. Есть и другие сообщения о ношении чевяков (ошибочно называемых иногда «черевиками») и ноговиц (гетр) русскими офицерами на Кавказе²⁹³.

Чувяки не значатся в описи, но были доставлены в Тарханы камердинером Лермонтова А. И. Соколовым и в 1883 г. переданы в Лермонтовский музей²⁹⁴.

²⁸¹ Опульский А. И. Л. Толстой на Кавказе. – Орджоникидзе, 1960. – С. 30. Прим. 2.

²⁸² Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 10. – М., 2002. – С. 469. Как заметил Е. Г. Вейденбаум (Кавказские этюды. Исследования и заметки. – Тифлис, 1901. – С. 311), «Кавказ вошел в моду в русском обществе с легкой руки Бестужева-Марлинского». Как признавался сам Лев Николаевич при появлении на Кавказе, сочинения Марлинского и Лермонтова – «вот все источники, которые я имел для познания Кавказа. ...Эти образы, украшенные воспоминанием, необыкновенно поэтически сложились в моем воображении» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. – Т. 2. – С. 207). Но то, что в «Записках о Кавказе» осталось для автора воспоминанием «детства или первой юности», стало характерной чертой Розенкранца в «Набеге».

²⁸³ Ткачев А. Подпоручикъ Севастопольский. Мистерия войны // Воин. – 1996. – № 3. – С. 37.

²⁸⁴ «Ссылка на Лермонтова характерна; Толстой сам связывает с его именем свой рассказ» (Семенов Л. П. Лермонтов и Лев Толстой // Лермонтовский текст. – С. 33). Как Лермонтов, так и Толстой описывают тип людей, для которых Кавказской войны не существовало бы, не будь в их сознании предварительного литературного образа ее. Лермонтов в «Кавказце» указывает двух самых влиятельных авторов, произведения которых формировали в русском обществе представления о Кавказе: А. С. Пушкин и А. А. Бестужев-Марлинский (Архиреев М. В. Кавказская война в русской литературе 1820-1830-х годов: Дис. ... канд. фил. наук (рукопись). – Тверь, 2004. – С. 30).

²⁸⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. – Т. 2. – С. 13-14. Ср.: Жуков Д. А. Кавказская эпопея Л. Толстого // Жуков Д. А. Прозрения: Россия на Голгофе. – М., 1991. – С. 154.

²⁸⁶ Толстой Л. Н. Казаки; Хаджи-Мурат. – М., 1981. – С. 45.

²⁸⁷ Виноградов А. В., Виноградов В. Б. Дань лермонтовской судьбе. – С. 18. Ср.: Виноградов В. Б. Н. П. Слепцов – «храбрый и умный генерал». – Армавир, 2000. – С. 4; Мануйлов В. А. Указ. соч. – С. 46.

²⁸⁸ Исмаил-Заде Д. Настоящий кавказец // Родина. – 2000. – № 1-2. – С. 82.

²⁸⁹ См.: Найдич Э. Э. Указ. соч. – С. 144-146.

²⁹⁰ Торнау Ф. Ф. Указ. соч. – С. 129.

²⁹¹ Т. Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский вестник. – 1869. – Т. 80. – № 3. – С. 107, 120-121.

²⁹² Шаховский И. В. Путешествие в Сванетию и Кабарду // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Т. 1. – С. 172.

²⁹³ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени / Предисловие В. А. Мануйлова; комментарии В. А. Мануйлова и О. В. Миллер. – С. 318-319.

²⁹⁴ Вейс А. Ю., Ковалевская Е. А. Указ. соч. – С. 164.

3. «*Калмыцкий Ергак*». № 48. Калмыцкий ергак (тулуп из пыжиковых, сурочьих шкур, шерстью наружу) был любимым зимним лагерным костюмом генерал-майора В. М. Козловского²⁹⁵. Ранее носил его и генерал-майор В. Д. Вольховский, обер-квартирмейстер ОКК²⁹⁶. Как мы видим, был ергак и у поручика Лермонтова.

VI. Предметы домашнего обихода

№ 39, 41-42. «Желет (жилет – М. Н.) Шелковый Черный поношенный», «Халат Бохарский (бухарский – М. Н.) кашемировый», «Халат Малашовый²⁹⁷ на меху крымских (крымских – М. Н.) Мерлушек». В быту (даже в походной палатке) господа офицеры предпочитали халат²⁹⁸, иногда поверх сюртука. Особенно комично он выглядел в сочетании с папачой²⁹⁹. В длиннополом халате или шинели у палатки в крепости Грозной показан один из приятелей Лермонтова, поручик И. Я. Евреинов³⁰⁰, на рисунке из альбома П. А. Урусова. У самого Лермонтова в Пятигорске упоминается халат шелковый темно-зеленый, с узорами, опоясанный толстым шнурком с золотыми желудями на концах³⁰¹.

VII. Другие предметы

1. № 37. «Эпалет мишурных пар три». Такие эполеты вошли в моду к середине 1830-х гг.³⁰² Офицерам Тенгинского полка (как первого полка 1-й бригады 20-й пехотной дивизии)³⁰³ полагались позолоченные эполеты с красным суконным полем, на коем имелась шифровка («20») из золотого шнурка. Как обер-офицер, Лермонтов носил эполеты без бахромы. Поскольку он был поручиком, на поле его эполет стояли три кованых серебряных звездочки (прапорщик отличался одной звездочкой). «О, эполеты, эполеты! ваши звездочки, путеводительные звездочки», – восклицает Грушницкий³⁰⁴.

Впрочем, на Кавказе эполеты и шарф надевались «в весьма редких случаях»³⁰⁵, обычно только при представлении начальству³⁰⁶, да и то не всегда. Конечно, бывали исключения. Так, одна из картин Г. Г. Гагарина все же показывает эполеты на сюртуках офицеров пехоты и инженеров. Но это одно из редчайших свидетельств их употребления в походе³⁰⁷. Кроме того, при аресте казака «пуля сорвала эполет»³⁰⁸ с Печорина, стоявшего тогда на постое в станице.

Но для Кавказа более типично поведение штабс-капитана Максима Максимыча, который, направляясь к прапорщику Печорину только по делам службы, официально «надел эполеты, шпагу и пошел к нему»³⁰⁹. Герой новеллы А. В. Дружинина «Легенда о кислых водах» (1854) «надел форменный сюртучок, и ... кое-как застегнул его на три пуговицы, – о застегивании крючков воротника думать было нечего, ... надел перчатки, дополнил парадный кавказский наряд³¹⁰ маленькою белою фуражкой.... На пороге он вспомнил что позабыл надеть эполеты, часть наряда, без которой **невозможно было делать первого визита на водах** (выделено нами – М. Н.)»³¹¹.

2. № 70. «Шарф шерстяной красный». Имеется в виду шарф, которым укутывали шею в холода. Например, длинный вязаный шарф носил зимой генерал В. М. Козловский³¹².

²⁹⁵ Записки М. Я. Ольшевского. Кавказ с 1841 по 1866 г. // Русская старина. – 1894. – № 1. – С. 136.

²⁹⁶ Т. Указ. соч. // Русский вестник. – 1869. – Т. 80. – № 4. – С. 659.

²⁹⁷ П. К. Мартьянов, приводя эту опись («в деле Пятигорского комендантского управления, 1841 года, № 96»), называет халат «термаламовым» (Мартьянов П. Последние дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова. – С. 99-100. Прим. 2). Вероятно, перед нами более точная передача источника: термалама (тармалама), согласно В. И. Далю, это плотная шелковая или полушелковая ткань (яркой расцветки), идущая на халаты.

²⁹⁸ Из записок Н. В. Исакова. – С. 62.

²⁹⁹ Записки И. П. Дубецкого // Русская старина. – 1895. – № 5. – С. 88; Лорер Н. И. Записки моего времени. – С. 456.

³⁰⁰ Корнилова А. В. Указ. соч. – С. 378.

³⁰¹ Лермонтов М. Ю. в воспоминаниях современников. – С. 390.

³⁰² Бриммер Э. В. Указ. соч. // Кавказский сборник. – Т. XVI. – С. 201.

³⁰³ Гизетти А. Л. Хроника Кавказских войск. – Ч. 1-2. – Тифлис, 1896. – С. 74, 84 (вместо «20-я» дивизия, следует читать «21-я»); Попов С. А. Армейская и гарнизонная пехота Александра Первого. Полковые униформы. – М., 1995. Рукопись // ОПИ ГИМ. № НВ 6370. – С. 8.

³⁰⁴ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 7. – С. 311.

³⁰⁵ Зиссерман А. Л. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 187.

³⁰⁶ Гейман В. А. Указ. соч. – С. 328; Милютин Д. А. Воспоминания. 1816-1843. – М., 1997. – С. 205, 252.

³⁰⁷ Михайлова К. В., Смирнов Г. В. Живопись XVIII – начала XX века из фондов Государственного Русского музея. – Л., 1982. – С. 121, илл. 91.

³⁰⁸ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 6. – С. 365.

³⁰⁹ Там же. – С. 229.

³¹⁰ Сарказм автора понятен, если вспомнить, что парадной формой являлся мундир (тогда полукафтанного покроя), а не сюртук.

³¹¹ Дружинин А. В. Собр. соч. – Т. 2. – С. 29.

³¹² К. Летучий отряд в 1850-1851 г. // Кавказский сборник. – Т. XII. – Тифлис, 1888. – С. 378.

3. № 72-73. «Шейных косынок шелковых черных» три, один «Платок бомажный шейный же». Такой черный шейный платок, завязанный узлом, показан на портрете Лермонтова кисти К. А. Горбунова и упоминается мемуаристами.

4. № 77. «Перчаток белых замшевых пар пять».

Прапорщик А. А. Бестужев заказывал себе в апреле 1837 г. «три пары лайковых и три пары тонких замшевых перчаток на небольшую руку, да два cols (воротничка – *М. Н.*), деланных галстуха, нешироких, но подлиннее, с завязками из черной материи»³¹³. Пехотный прапорщик Грушницкий держал в руке «коричневые лайковые перчатки»³¹⁴.

VIII. Снаряжение

1. № 74. «Портупей Четыре». Видимо, здесь перечислены вместе и форменные, и «черкесские» образцы.

2. № 75. Два «мишурных» темляка. Офицерский темляк был серебряным, с примесью черного и оранжевого шелка.

3. № 84. «Шарф Мишурный». Речь идет о форменном шарфе с пряжкой, которым опоясывались офицеры при исполнении служебных обязанностей. В июле 1837 г. «офицерам даны новой формы шарфы, не с широкою, как прежде было, а с узкою, [плотного плетения] серебряною тесьмою, о трех полосках из светло-оранжевого и черного шелка, повязываемою, во всю ее ширину, между двумя нижними пуговицами мундира»³¹⁵. Впрочем, еще со времени Александра I дозволялось офицерам заменять серебряные шарфы белевыми (из ткани с хлопчатобумажной основой) «для облегчения в издержках». Длина шарфа не регламентировалась и зависела от объема талии конкретного офицера. У Лермонтова шарф был из мишуры – парчевой ткани, где вместо серебряных нитей использовались посеребренные нити из олова. (Эполеты Лермонтова-корнета были медные; как видим, он старался сократить расходы на свое обмундирование, обходившееся ему, конечно, недешево.) Среди заказов А. А. Бестужева упоминаются «форменный шарф подлиннее, фальшивый, с подшивкою и пряжками, да форменный серебряный темляк со звездочками»³¹⁶.

Впрочем, шарф «простые офицеры не носили во время экспедиции»³¹⁷. Так, в распоряжении по Чеченскому отряду от 10 мая 1841 г. перед выступлением в поход было указано: «Г.г. генералам, штаб- и обер-офицерам эполет, мундиров и шарфов с собой не брать»³¹⁸. Напротив, этот предмет являлся на Кавказе деталью формы одежды адъютанта. Видимо, в 1840 году, Лермонтов «был при шарфе и временно исполнял при Граббе должность ординарца» в Ставрополе³¹⁹, в приемной которого он встретился с М. Х. Шульцем³²⁰. Наконец, все принявшие участие в похоронах поэта офицеры были в мундирах и «при шарфах»³²¹.

4. Кавказский пояс с набором (размеры 87x2,3 см), который носил Лермонтов в 1841 году. Тогда, в Пятигорске, он достался на память о поэте³²² А. И. Арнольди («черкесский пояс с серебряной “жерничкой”»)³²³ и позже был передан в Лермонтовский музей. (В описи значится пояс вместе с кинжалом – № 87, но это, вероятно, уже другая вещь).

Пояс был пошит из черной кожи. На нем имелся серебряный прибор: пряжка с петлей, наконечник, подвесная пластина с отверстиями для крепления оружия, шесть круглых пуговиц и две граненых заклепки, которыми крепилась к поясу жирница. Жирница (сальница) имела вид прямоугольной серебряной коробочки размерами 5x3,6x1,6 см. По серебру была пущена чернь дагестанской работы: стилизованный растительный орнамент. Узор черни на жирнице и остальных

³¹³ Семевский М. И. Александр Александрович Бестужев (Марлинский) (1797-1837). Статья третья // Отечественные записки. – 1860. – № 7. – С. 76.

³¹⁴ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 7. – С. 316.

³¹⁵ Ср.: Русский костюм 1750-1917. – Вып. 2: 1830-1850. – М., 1961. – С. 82.

³¹⁶ Семевский М. И. Цит. соч.

³¹⁷ Т. Указ. соч. // Русский вестник. – 1869. – Т. 80. – № 3. – С. 122.

³¹⁸ Цит. по: Беличенко Ю. Лермонтов. Роман документального поиска // Подъем. – 2002. – № 1.

³¹⁹ Лермонтов М. Ю. в воспоминаниях современников. – С. 605.

³²⁰ Маркелов Н. В. «Я только что приехал в Ставрополь...» // Лермонтовский текст. – С. 724.

³²¹ Захаров В. А. Дело о «погребении Лермонтова» // Тарханский вестник. – 2000. – Вып. 12. – С. 32.

³²² Ю. Елец, видимо, неточно утверждает, что «черкесский пояс с набором из черкесского (черненого? – *М. Н.*) серебра» был Лермонтовым подарен Арнольди в бытность его в Гродненском полку (Гусяров Е. Н. Лермонтов в жизни. Систематизированный свод подлинных свидетельств современников. – М., 2003. – С. 201).

³²³ Лермонтов в записках А. И. Арнольди. – С. 472.

серебряных деталях прибора пояса был один и тот же. Под жирницу пристегивался к поясу кожаный подклад красного сафьяна, подбитый шелком и обшитый по краям серебряным галуном³²⁴.

По словам Э. Спенсера, «маленькая металлическая коробочка» (жирница) на поясе горца содержала «кремень, сталь, смазочный материал (масло)»³²⁵. Ф. Дюбуа де Монпере более точно описывал принадлежности пояса: кремнь и трут хранятся в кожаном кошелье, а «прекрасно выполненная из черненого серебра маленькая коробочка» хранила в себе сало, «которым натираются пули для того, чтобы они лучше скользили в стволе»³²⁶. И. Бларамберг уточнил, что в коробочке имелось сало или масло, «чтобы чистить оружие»³²⁷. Наконец, Г. Н. Прозрителев называл жирницу «жирничкой» и считал, что ее содержимое, сало, «служило для смазывания металлических частей и для предохранения от ржавчины»³²⁸. Итак, суммируя: жирница – один из горских инструментов для ухода за оружием, металлическая коробочка с жиром или маслом для смазки ружья и пуль, размещенная справа на поясе³²⁹.

5. Еще один предмет снаряжения тоже не упоминается в описи. Но он, в отличие от пояса с жирницей, не сохранился. Это «пороховница из серебра с чернью, с буквою Л., принадлежавшая Лермонтову, которую он носил на Кавказе, когда надевал черкеску (важное уточнение, позаимствованное из письма П. А. Висковатова – М. Н.)»³³⁰. Пороховница (натруска) Лермонтова представляла собой «небольшой рожок». Бларамберг описывал подобный горский предмет экипировки следующим образом: «Маленький рог с мелким порохом они вешают на веревке себе на шею...». В натруске хранился высококачественный порох, который насыпали на полку ружья или пистолета³³¹.

IX. Оружие

1. № 83. «Полусабли с серебрянным темляком». С августа 1830 г. полусабля (клинок незначительной кривизны, однолезвийный, с одним долом; деревянная рукоять покрыта черной лакированной кожей и обмотана витой проволокой, гарда с одной дужкой вызолоченная; общая длина около 930 мм, длина клинка около 798 мм, масса до 1,35 кг) в черных лакированных ножнах с медным вызолоченным прибором³³² составляла холодное оружие пехотного офицера³³³. На Кавказе, однако, все без исключения офицеры заменяли полусаблю (или шпагу в некоторых родах оружия) горской шашкой, турецкой или персидской саблей³³⁴. Это (формально) единственное офицерское оружие «носило презрительную кличку «сеledки»³³⁵. «От шпаг отвыкли, – признавался Э. В. Бриммер в разговоре с И. Ф. Паскевичем, – на что они годны? Разве шашлык на них жарить?»³³⁶.

³²⁴ Вейс А. Ю., Ковалевская Е. А. Указ. соч. – С. 162-163; Они же. О кавказском поясе и пороховнице Лермонтова // Описание ИРЛИ. – Т. 2. – 329-330.

³²⁵ Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. – Майкоп, 1994. – С. 22.

³²⁶ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. – С. 442.

³²⁷ Бларамберг И. Указ. соч. – С. 45.

³²⁸ Сабли рая. – С. 6.

³²⁹ Ср.: Dulaurier E. La Russie dans la Caucase. I. Armee reguliere, cosaques et milices indigenes // Revue des Deux-Mondes. – 1860. – Т. 27. – Р. 788 («коробочка с жиром для смазки нарезного ружья»).

³³⁰ Вейс А. Ю., Ковалевская Е. А. О кавказском поясе и пороховнице Лермонтова. – С. 328-330.

³³¹ Бларамберг И. Указ. соч. – С. 45.

³³² Кулинский А. Н. Указ. соч. – С. 49-50.

³³³ Лермонтов ошибочно называет холодное оружие Печорина и Максима Максими́ча, офицеров линейного батальона, «шпагой». В реальности, вот уже семь лет командный состав этих частей носил именно полусабли образца 1826 г. (Нечитайлов М. В. Актуальные проблемы изучения военного прошлого Ставрополя (первая половина XIX в.): Исторический очерк 1-го Кавказского линейного батальона. – Невинномысск, 2004. – С. 68).

³³⁴ Высказанную недавно гипотезу об отождествлении полусабли из описи с ятаганом (Лермонтову приписывается сохранившаяся половинка рукояти холодного оружия – будто бы ятагана) (Ульянова В. П. Кавказское оружие М. Ю. Лермонтова // Тарханский вестник. – 1996. – № 6. – С. 34 сл.) нельзя назвать удачной. «Ятаган» с равной степенью вероятности может являться и шашкой, или же саблей, и на последнюю атрибуцию есть прямые указания (письмо тамбовского краеведа Н. А. Никифорова, передавшего рукоять И. Л. Андроникову). К. А. Жуков любезно указал нам, что «восточно-анатолийский тип рукояти вполне может сопровождать то, что мы любим называть словом кхопеш. Т.е. ятаган, но не совсем привычного турецкого облика. Такая вот “шашечная” монтировка иногда встречается на подобных клинках. Навершие в виде расходящихся крыльев легко может быть на шашке и на ятагане, это ни о чем не говорит» (сообщение от 21.10.2005 г.).

³³⁵ Дело 22-го мая 1854 г. под Силистрией. Из воспоминаний ген.-лейт. Всевол. Порф. Коховского // Русская старина. – 1891. – № 3. – С. 700.

³³⁶ Бриммер Э. В. Указ. соч. // Кавказский сборник. – Т. XV. – С. 216.

2. № 86. «Пистолет Черкесский в серебрянной обделке с золотою насечкою в чехле азиатском»³³⁷. Черкесские пистолеты – оружие ближнего боя из-за посредственной дальности и прицельности³³⁸ – по длине были такие же, что и европейские кавалерийские пистолеты, но намного легче. Для них характерны тонкая деревянная ложа, оклеенная черной кожей, тонкая рукоять (к которой крепился шнур, надевавшийся на шею) с костяным шариком на конце³³⁹.

Нарезное ружье не упоминается, но оно, конечно, у Лермонтова имелось: вспомним его письмо 1837 г. (см. выше) и описания Печорина в романе (возвращение с охоты в «Бэле» – «ружье из чехла – и туда»; ночлег в «Тамани» – «поставил в угол шашку и ружье, пистолеты положил на стол»)³⁴⁰.

3. № 87. «Кинжал с ножиком (подкинжалным ножичком³⁴¹ – М. Н.) с белою рукою при нем поясок с серебрянным подчернием прибором 16 штук и жирничка Серебрянная же». «Кинжал, всегдашний спутник мой и товарищ в деле...»³⁴², «по обычаю всех кавказцев»³⁴³ (А. А. Бестужев) носившийся на поясе.

Этому оружию Лермонтов посвятил два отдельных стихотворения – «Кинжал» (1837 г.) и «Поэт» (1838 г.)³⁴⁴, эпизодически упоминая его и в других своих произведениях. По преданию, первое стихотворение было написано в 1837 г. по случаю подарка Лермонтову кинжала (с некоей золотой надписью на клинке) из коллекции А. Г. Чавчавадзе³⁴⁵. Другой кинжал, «служивший поэту в столкновениях и стычках с врагами»³⁴⁶, в начале 1841 г. Лермонтов подарил А. А. Краевскому, который передал его позднее в Лермонтовский музей. (Но история о том, что Лермонтов будто бы *отбивался* им от трех (!) горцев – лишь небылица, в которой, однако, никто не сомневался, начиная с П. А. Висковатова³⁴⁷.)

Этот кинжал (привезенный, вопреки традиции, отнюдь не из первой «ссылки») дошел до нас. Согласно каталогу, он относился к дагестанской работе (что вполне вероятно) и, кстати, больше подходил рослому человеку, чем его невысокому владельцу, имея в длину 33,9 см (клинок) и 11 см (рукоять). Любопытная деталь: Н. С. Мартынов летом 1841 г. всегда ходил «с большим дагестанским кинжалом на поясе»³⁴⁸, и другие источники подчеркивают значительные размеры оружия³⁴⁹ («чуть не до полу», «ниже колен»). Следовательно, знаменитый *poignard* (в серебрянной оправе), осмеянный Лермонтовым, тоже был дагестанской работы, как и его двойник, которым воображение поэта наделило его героя Печорина («дагестанский кинжал, – подарок приятеля»)³⁵⁰.

Рукоять лермонтовского кинжала из слоновой кости, с навершием втянутой формы, на двух серебрянных с чернью заклепках (скрепляли обе половины рукояти) в виде розеток (из шести лепестков). Клинок обоюдоострый, с долем посредине и со сквозным круглым отверстием у пяты (основания). На клинке золотая насечка³⁵¹ – два клейма мастера и монограмма «А. К.» (А. Краевский), конечно, добавленная позже. Ножны (длиной 34 см) деревянные, покрытые зеленым бархатом, с обратной стороны

³³⁷ О пистолетах на дуэли Лермонтова-Мартынова см.: Латышев С., Мануйлов В. Как погиб Лермонтов (ответ И. Д. Кучерову и В. К. Стешицу) // Русская литература. – 1966. – № 2. – С. 122-123, 126-127.

³³⁸ Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик, 2002. – С. 140.

³³⁹ Марзей А. С. Черкесское наездничество «Зеклуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.) – Нальчик, 2004. – С. 185-186.

³⁴⁰ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 6. – С. 245, 264.

³⁴¹ Такие ножки (хранившиеся в карманчике с внутренней стороны ножен кинжала) горцы использовали при еде (Лонгворт Дж. А. Указ. соч. – С. 54-55).

³⁴² Воспоминания Бестужевых. – М.; Л., 1951. – С. 491.

³⁴³ Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. – Т. 1. – М., 1981. – С. 267.

³⁴⁴ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 2. – М., 2000. – С. 75, 87-88, 91-92, 299-300. О сохранившемся кинжале Лермонтова см.: Андроников И. Л. Лермонтов в Грузии. – С. 234.

³⁴⁵ Магомед-Расул. Слово о кинжале // Литература Дагестана и жизнь. – Махачкала, 1982. – С. 78; Миллер О. В. По лермонтовским местам: Москва и Подмосковье. Пензенский край. Ленинград и его пригороды. Кавказ. – М., 1989. – С. 238.

³⁴⁶ Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов в действующем отряде. – С. 84.

³⁴⁷ Маркелов Н. В. Все картины военной жизни, которых я был свидетелем. – С. 10-11. Ср.: Семенов Л. П. Лермонтов на Кавказе. – С. 67. Указывается, что Лермонтов просто ускакал от нападавших горцев. Кинжал служил только оружием ближнего боя. Поэт просто немного преувеличил грозившую ему опасность.

³⁴⁸ Шан-Гирей А. П. М. Ю. Лермонтов // Лермонтов М. Ю. Иллюстрированное полное собрание сочинений. – Т. VI. – М., 1915. – С. 28.

³⁴⁹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – С. 343.

³⁵⁰ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 6. – С. 274.

³⁵¹ На принадлежавших генералу С. Д. Безобразову кинжалах также имелся писанный золотом стих из Корана (Указатель по Кавказскому военно-историческому музею. – С. 254).

– красным сафьяном, обшитые серебряным галуном. Устье с петлей и наконечник ножен серебряные с чернью и узором: стилизованный растительный орнамент по фону, набитому пунцоном³⁵².

4. № 88. «Шашка в Серебрянной с подчерниєю (под чернью – М. Н.) оправе с портупеею накоей 12 пуговиц Серебрянных с педчерниєю». «И шашка, вечная подруга/ Его трудов, его досуга»...³⁵³

Источники подтверждают, что все прибывавшие на Кавказ офицеры первым делом покупали себе³⁵⁴ («разумеется, втридорога», скептически отмечал очевидец)³⁵⁵ бурку, башлык, папаху и непременно – шашку, «так как форменная [полусабля] совершенно не годилась ни для рубки, ни для колки»³⁵⁶. Не менее модным у офицеров было полностью одеваться по-черкесски, «и никто не находил этого неправильным». «Все постоянно носили оружие, азиатские кинжалы и пистолеты, за поясом», сзади, чтобы в битве «не быть простыми зрителями», не снимая оружие даже на балу³⁵⁷.

«Азиатская шашка под серебром, неразлучная спутница каждого.... Считалось у нас еще большим шиком иметь ... на поясе кинжал»³⁵⁸, – описывал арсенал кавказского офицера тех лет В. А. Гейман. «Черкесское оружие носили всегда и все офицеры, – комментировал Г. И. Филипсон. – Общая мода имела своих фанатиков и знатоков. Оружие имело условную цену, иногда до нелепости высокую. Холодное оружие было действительно недурно... огнестрельное оружие было гораздо хуже³⁵⁹... Наружный вид и отделка оружия были своеобразны и очень красивы. Русские переняли от Черкесов старательное сбережение оружия»³⁶⁰. «Их оружие..., – писал о горцах Ж.-Ш. де Бесс, – всегда содержится в чистоте и сверкает»³⁶¹.

Возвращавшиеся в Россию офицеры увозили с собой черкесский костюм и оружие³⁶². А. А. Бестужев-Марлинский язвительно замечал, что «до сих пор офицеры наши вместо полезных или по крайней мере занимательных известий вывозили с Кавказа одни шашки, наговицы да пояски под чернью»³⁶³. Дошло до того, что в июле 1847 г. начальник артиллерии ОКК приказал офицерам соблюдать форму одежды, поскольку «некоторые из кавказских артиллеристов, во время пребывания их в отпуску в России, представлялись начальству не в мундирах, а в казакиных (черкесках – М. Н.) и в черкесских шапках»³⁶⁴.

Возможно, именно указанная в описи 1841 г. шашка (без плечевой портупеи) поступила в Лермонтовский музей и дошла до наших дней. Не исключено, что оружие попало к его последнему владельцу от М. П. Глебова, друга Лермонтова, среди вещей которого состояла кавказская шашка «с литерой Л. на серебряной оправе». Поскольку ее описание в последний раз публиковалось в 1953 г.³⁶⁵, имеет смысл привести его вновь с нашими комментариями. Размеры шашки: рукоять 13,8 см, клинок 81

³⁵² Вейс А. Ю., Ковалевская Е. А. Памятные вещи. – С. 162.

³⁵³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. – Т. 4. – М., 1994. – С. 100, 314. «Шашка, черкесская сабля», – внес пояснение поэт (Там же. – С. 351). Об источниках Пушкина см.: Тютюнина Е. С. «Черкес оружием обвешан» (А. С. Пушкин и П.-С. Паллас) // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. – Ч. I. – Армавир, 2001. – С. 18-19.

³⁵⁴ И не только на Северном Кавказе. «Оружие тифлисское дорого ценится на всем Востоке», – подтверждал Пушкин (Пушкин А. С. Соч.: В 3 т. – Т. 3. – М., 1987. – С. 386) распространение закавказских сабель, шашек и кинжалов в офицерской среде.

³⁵⁵ Гейман В. А. Указ. соч. – С. 328; Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. – СПб., 2003. – С. 23; Чекменев С. А. Переселенцы. – Пятигорск, 1994. – С. 251.

³⁵⁶ Ракович Д. В. Указ. соч. – С. 129.

³⁵⁷ Бриммер Э. В. Указ. соч. // Кавказский сборник. – Т. XV. – С. 214; Дондуков-Корсаков А. М. Указ. соч. – С. 425, 435; Духовский С. Даховский отряд на южном склоне Кавказских гор в 1864 году. – СПб., 1864. – С. 39; Хамар-Дабанов Е. Указ. соч. – С. 75.

³⁵⁸ Гейман В. А. Указ. соч. – С. 397.

³⁵⁹ Ср. со словами Максима Максимыча из «Фаталиста»: «Впрочем эти азиатские курки часто осекаются, если дурно смазаны, или недовольно крепко прижмешь пальцем; признаюсь, не люблю я также винтовок черкесских [«не люблю я этих винтовок и пистолетов»]; они как-то нашему брату неприличны, – приклад маленький, того и гляди нос обожжет... Зато уж шашки у них – просто мое почтение!..» (Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 6. – С. 366, 543).

³⁶⁰ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. – 1883. – № 5. – С. 165.

³⁶¹ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. – С. 335-336.

³⁶² Филипсон Г. И. Воспоминания. – С. 105. Лермонтов тоже привез с собой с Кавказа в 1837 г. шашку, а в 1841 г. два кинжала.

³⁶³ Цит. по: Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. – М., 1961. – С. 162.

³⁶⁴ Янжул М. А. 80 лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады 1806-1886. Исторический очерк войны и владычества русских на Кавказе. – Т. 2. – Тифлис, 1887. – С. 25-26. О другом случае нарушения формы одежды прибывавшими в Россию с Кавказа военными служащими см.: ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. XXXII. – Отд. 1-е. – СПб., 1858. – № 32594.

³⁶⁵ Фотографию шашки и кинжала Лермонтова см.: Литературное наследство. – Т. 45-46. – С. 709.

см, ножны 84 см. «Рукоять шашки с раздваивающимся набалдашником³⁶⁶, серебряная с чернью дагестанской работы³⁶⁷: растительный орнамент в виде цветка розы с листьями, по фону, набитому пунцоном.

Клинок стальной, изогнутый, двудольный, об одном лезвии. На клинке выгравированы³⁶⁸: всадник, скачущий влево, с занесенной над головой шашкой (должно быть, саблей – М. Н.) в левой руке...; птица на ветке и изображенные почти прямолично человеческие головы в головных уборах, напоминающих тиары или венцы...; звезда и полумесяц, исполненные золотой насечкой... Над изображением всадника – гравированная надпись в одну строку. На оборотной стороне клинка выгравированы те же изображения с той только разницей, что всадник повернут вправо, держит шашку в правой руке, птица посажена на вазу с фруктами (?), лица изображены в профиль, изображение полумесяца и звезды – отсутствует, надпись дана в две строки».

Только в начале 1960-х гг. надписи на шашке Лермонтова были расшифрованы грузинским ученым, профессором Ш. Я. Амиранашвили³⁶⁹. Он установил, что на клинке шашки выгравирован эпизод из поэмы Фирдоуси «Шахнамэ», а изображенные здесь фигуры – это Рустам и другие персонажи известного иранского эпоса. Надписи на клинке исполнены на грузинском языке, и здесь же названа (тоже по-грузински) фамилия «Элиарашвили», без имени (армянин Геурк, или Геург, Саркисович Элиаров, лучший тифлисский мастер-оружейник, дважды упоминаемый Лермонтовым).

Не установлено, изделие ли это самого старого Геурга (на чем настаивает П. Горская) или его сыновей³⁷⁰. Последнее более вероятно – сам Геург умер около 1822-1824 гг. и поэтому никак не мог встретиться с поэтом, но имя его закрепилось за мастерской как «фирменная марка». Согласно преданию, Лермонтов заходил (в лавку?), сидел, смотрел на ковку оружия (в кузнице). Предание, перекликающееся с записью 1837 г. («несем его [кинжал] к Геургу»), восходит к сыну Геурга, Каграману³⁷¹. Впрочем, не исключено, что у Лермонтова оказалось оружие работы Каграмана, но с булатом, изготовленным самим Геургом³⁷². С другой стороны, А. А. Бестужев-Марлинский упоминал шашку, у которой «на клинке было написано имя» владельца³⁷³. Очевидно, и этот обычай пользовался популярностью на Кавказе.

Ножны шашки Лермонтова «деревянные, покрыты черной шагреновой кожей. Устье, наконечник и две обоймицы с кольцами – серебряные, с тем же растительным узором чернью, как на рукояти. На лицевой стороне устья, в центре черненого узора розы, той же чернью выполнен герб рода Лермонтова³⁷⁴: рыцарский шлем с короной над щитом и две ветви по сторонам; на щите инициалы

³⁶⁶ Имеется в виду клиновидный вырез, имеющийся сверху на головке рукояти, который разделял ее на две половины – уши. Данное раздвоение имело практическое назначение. Оказавшись в удобном положении, горец втыкал шашку в землю, и этот растроб служил опорой для ружейного ствола (Стецов В. В. «Солдаты» гор. Войско горцев времен имама Шамиля в 1830-1860 гг. // Воин. – 2003. – № 14. – С. 90).

³⁶⁷ Собственно рукоять была деревянная, обложенная серебряным листом с гравировкой и чернью. К сожалению, не уточняется, на основании чего было решено, что рукоять шашки или узор на ней именно дагестанской работы.

³⁶⁸ Клинок соответствует кавказской подделке под западноевропейское оружие (Аствацатурян Э. Г. Указ. соч. – С. 33). Но шашка делалась в Тифлисе, на заказ, и мастер знал, что она предназначается для русского офицера. Ср.: Нарожная Ф. Б., Нарожный Е. И. А. С. Пушкин о комплексе вооружения горцев первой трети XIX века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Вып. 2. – Армавир, 2003. – С. 177-178.

³⁶⁹ К сожалению, статья Ш. Я. Амиранашвили (К определению изображений на клинке шашки М. Ю. Лермонтова // Литературная Грузия. – 1964. – № 10. – С. 110-112) осталась нам недоступной.

³⁷⁰ Горская П. «Загадка» лермонтовской шашки // Кавказская здравница. – 1962. – № 102. – С. 4; За хребтом Кавказа / Сост. В. С. Шадури. – Тбилиси, 1977. – С. 156; Лермонтовская энциклопедия. – С. 157; Махлевич Я. Л. «И Эльборус на юге...» – М., 1991. – С. 41, 44. Сохранилось не менее трех сабель, одной шашки и двух кинжалов работы Геурга или его сыновей.

³⁷¹ На 1828 год – «лучший в Тифлисе оружейный мастер Кахраман Елиазаров» (Акты, собранные Кавказскою Археологическою Комиссиею. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 342).

³⁷² Несмашная М. «Геурга старого изделье...» // Литературная Армения. – 1986. – № 10. – С. 99, 100.

³⁷³ Бестужев-Марлинский А. А. Ревельский турнир: Исторические повести. – М., 1984. – С. 258. См.: Семевский М. И. Александр Александрович Бестужев (Марлинский) (1798-1837). Статья вторая // Отечественные записки. – 1860. – № 6. – С. 343. Третий вариант: на клинке шашки, изготовленной сыном Геурга Элиарова, Ефремом, сделаны надписи «Епрем Якович Элиаров» и «Полковник ... Кавасов» – имена мастера и заказчика (Аствацатурян Э. Г. Указ. соч. – С. 173).

³⁷⁴ В золотом поле щита черное стропило, сопровождаемое внизу шестилистником того же цвета и обремененное тремя сквозными ромбами (веретенами) в цвет поля. На стальном с золотыми украшениями шлеме – дворянская корона и золотое на червленой подкладке клочковатое покрывало (намет). Девиз: SORS MEA JESUS («Судьба моя Иисус») (Медведев М. Ю. Герб Лермонтова // Аврора. – 1991. – № 7. – С. 3-4).

славянскими буквами: “М. Л.”. На внутренних срезах устья выгравировано: “Михаила” (на одной стороне), “Лермонтова” (на другой)...»³⁷⁵.

Конечно же, эта шашка была изготовлена в 1837 г. в Тифлисе, привезена Лермонтовым обратно в Россию и в 1840-1841 гг. сопровождала его в кавказских военных экспедициях и походах.

Заключение

Итак, на протяжении кавказской службы Лермонтов сменил два мундира – Нижегородского драгунского полка (овчинная шапка, куртка с газырями, шаровары с лампасом и шашка) и Тенгинского пехотного полка (овчинная шапка, мундир, панталоны и полусабля). Последний отличался от общеармейской пехотной формы только цветом эполет и шифровкой на них, а также необычным головным убором, во всех частях ОКК заменявшим кивер. Драгунский костюм, однако, был уникальным – ни один другой кавалерийский полк русской армии не имел такого мундира, и даже Лермонтов отдал ему должное, запечатлев на своем автопортрете (и высмеяв в романе).

Однако, необходимо иметь в виду, что на Кавказе форменная одежда вынималась из сундука только для представления начальству. В другое же время, и в первую очередь в походе, многие формальности, обязательные в российской армии, а тем более в гвардии, здесь не соблюдались. Кавказские войска, имея «очень своеобразное и отчасти смутное понятие о форме», соблюдали ее (именно «отчасти»!) только на смотрах, пока не выступали в поход. Несомненно, это надлежит связывать именно с воздействием опыта и условий Кавказской войны на повседневный быт и униформу русских войск.

Кавказский офицер почти всегда и везде носил сюртук (здесь – с отогнутым воротником и поверх красной «исторической» рубашки), к тому же без эполет. Поверх сюртука надевалась шашка на плечевой портупее, особо воинственные личности дополняли ее кинжалом и даже пистолетом на поясе. К сюртуку полагались фуражка, летом в белом чехле (только на тулье в данном случае), и неуставные шаровары (обычно желтые шерстяные). Эти неписанные правила подтверждаются свидетельствами современников и описью гардероба Лермонтова. Поэту, как и многим другим бывшим гвардейцам, кавказские порядки пришлись по вкусу, и он с готовностью следовал им. За эти вольности Лермонтова, случалось, осуждали более педантичные сослуживцы. Но никаких последствий это не имело: в целом, начальство, как правило, не стесняло инициативу подчиненных в модернизации своего костюма применительно к походным условиям, и само следовало их примеру.

Кроме того, многие офицеры сочетали предметы обмундирования с элементами горского национального костюма (папахи, черкески, бешметы, ноговицы, пресловутая бурка). В числе тех, кто прибегал к подобной адаптации, был и Лермонтов. Но он, в отличие от иных местных военных щеголей, не увлекался чрезмерным подражанием местным обычаям, о которых отзывался в своих произведениях (например, очерк «Кавказец») с иронией и сарказмом.

«Таким образом, и кавказские офицеры и солдаты, – описывал однополчан Лермонтова историк Тенгинского полка Д. В. Ракович, – были одеты крайне своеобразно. Всякого свежего человека, первый раз встречавшего кавказские войска, поражало это почти полное отсутствие воинского вида и именно в то время, когда высшие сферы признавали форму за сущность и малейшее отступление от образцов готовы были считать падением доблести»³⁷⁶. «Но мы, дети кавказской армии, настолько присмотрелись к странностям всякого рода, что даже не замечали их»³⁷⁷, – завершал речь историка неизвестный офицер Нижегородского драгунского полка. Эти слова с полным основанием можно отнести и к поручику Михаилу Юрьевичу Лермонтову...

М. В. Нечитайлов

©

³⁷⁵ Вейс А. Ю., Ковалевская Е. А. Указ. соч. – С. 160-161.

³⁷⁶ Ракович Д. В. Указ. соч. – С. 129. «В общем неказисты были с внешней стороны кавказцы, не любили они также парадов, смотры их были обыкновенно неудачны, но это не мешало им оказывать чудеса храбрости и выносливости», – продолжал историк.

³⁷⁷ К. Указ. соч. – С. 378.

Примечание. Данная статья представляет собой авторскую версию (исправленную и незначительно расширенную) очерка, опубликованного в издании: Ставропольский хронограф. Ставрополь, 2006. С. 359-395.

Хочу заметить, что необходимость изучения темы «Лермонтовский мундир» назрела давно, и анекдотичная статья Г.Э. Введенского, в сочетании с не менее забавными откровениями ряда искусствоведов на тему лермонтовских портретов, только подтвердила это. «Лермонтовская энциклопедия» была переиздана несколько лет назад, но без каких-либо изменений в текстах почти тридцатилетней давности. В то же время, ряд аспектов военной карьеры Михаила Юрьевича, включающих изучение униформы полков, в которых ему довелось служить (а ведь в настоящем очерке я затронул лишь в лучшем случае половину проблемы, два полка и три года, тогда как мундиры лейб-гвардии Гусарского и Гродненского полков поэт носил – с перерывами – с 1832 по 1840 гг.), были и остаются, в лучшем случае, слабоизученными и малопонятными.

Что касается «кавказских аспектов», то из затронутых в теме очерка дискуссия о характере «настоящего кавказца» представляется, пожалуй, наиболее спорной и, заранее предвижу, может вызвать претензии у определенных научных школ. Однако, не вижу причин менять свою точку зрения, аргументы в пользу которой высказал выше. Гвардейских офицеров на Кавказе недолюбливали всегда, следы этой неприязни простых армейцев к «гвардионцам» в целом и к Лермонтову в частности заметны и в дошедших до нас воспоминаниях о нем. Очерк «Кавказец» же стал весьма саркастичным и умным ответом «фазанов» ветеранам Кавказского корпуса...